

СТИВЕН
РАНСИМЕН

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Завоевания крестоносцев

КОРОЛЕВСТВО БАЛДУИНА I
И ФРАНКСКИЙ ВОСТОК

Стивен Рансимен

**Завоевания крестоносцев.
Королевство Балдуина
I и франкский Восток**

«Центрполиграф»

1952

УДК 94(569.4).034
ББК 63.3(5)

Рансимен С.

Завоевания крестоносцев. Королевство Балдуина I и франкский
Восток / С. Рансимен — «Центрполиграф», 1952

ISBN 978-5-9524-5456-9

Британский ученый Стивен Рансимен в своем труде рассказывает историю франкских государств Утремера со времени восшествия на престол короля Балдуина I до завоевания Иерусалима Саладином. Автор сосредоточил внимание на Утремере, учитывая, что он существовал в период активной западноевропейской политики и религиозных войн. Именно многочисленным кампаниям и посвящена книга, так как вся жизнь в Утремере проходила на их фоне, и опасности, характерные для поля боя, нередко становились судьбоносными. Историк счел нужным включить в книгу главу, посвященную жизни во франкских государствах на Востоке, тому, как они были устроены. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(569.4).034
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5456-9

© Рансимен С., 1952
© Центрполиграф, 1952

Содержание

Часть первая. Создание королевства	6
Глава 1. Утремер и его соседи	6
Глава 2. Крестоносцы в 1101 г.	14
Глава 3. Норманнские князья Антиохии	22
Глава 4. Тулуза и Триполи	34
Глава 5. Король Балдуин I	42
Глава 6. Равновесие на севере	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Стивен Рансимен
Завоевания крестоносцев. Королевство
Балдуина I и франкский Восток

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

* * *

Посвящается Рут Бовилл

Часть первая. Создание королевства

Глава 1. Утремер и его соседи

*Ты – земля, поедаящая людей и делающая народ твой бездетным.
Книга пророка Иезекииля, 36: 13*

Когда войско франков вошло в Иерусалим, цель Первого крестового похода была достигнута. Однако для того чтобы Святой город оставался в руках христиан, а также чтобы облегчить путь паломников, желавших добраться до него, необходимо было создать стабильную систему управления, надежные оборонительные сооружения и пути сообщения с Европой. И крестоносцы, собиравшиеся поселиться на Востоке, прекрасно это понимали. Становление христианского государства началось во время непродолжительного правления герцога Готфрида. Но несмотря на свои достойные уважения качества, он был слабым и глупым человеком. Готфрид из ревности ссорился с другими крестоносцами, а искренняя набожность заставила его отдать церкви слишком много власти.

Молодое королевство было спасено благодаря смерти герцога и вступлению на престол его брата Балдуина, ибо последний мог похвастаться качествами настоящего государственного деятеля – мудростью, предусмотрительностью и твердостью. Но перед ним стояла очень трудная задача, и в его окружении было немного людей, на которых он мог полностью положиться. Выдающиеся воины, участвовавшие в Первом крестовом походе, отправились на север или вернулись домой. Из всех его предводителей в Палестине остался только самый бестолковый – Петр Пустынник, о жизни которого нам ничего не известно и который тоже в 1101 г. вернулся в Европу¹. Правители увели и свои армии. Сам Балдуин, будучи безземельным младшим сыном, не привел с собой на Восток вассалов, а позаимствовал людей у своих братьев. Теперь же он оказался в зависимости от горстки благочестивых воинов, поклявшихся перед отъездом из Европы остаться в Святой земле, и искателей приключений, многие из которых, подобно ему самому, были младшими сыновьями, надеявшимися обрести на Востоке земельные владения и разбогатеть.

Когда Балдуин взойшел на престол, франки контролировали большую часть Палестины, хотя их власть сложно было назвать крепкой. Наиболее прочной она была в гористой части региона, простиравшейся от Вифлеема на севере до Изреельской долины. Жители многих из тамошних деревень всегда были христианами, а большинство местных мусульман покинуло свои дома, завидев приближение войск франков. Они ушли даже из столь любимого ими города Наблуса, который называли маленьким Дамаском. Защищать эту местность было несложно. На востоке распростерлась Иорданская долина. На участке между Иерихоном и Бейт-Шеаном не было переправы через реку, а в горы из долины вела только одна дорога. Не менее сложно пробраться на эту территорию было и с запада. Севернее располагалось княжество Галилея, завоеванное для христиан Танкредом. Оно включало в себя Изреельскую долину и холмистую местность от Назарета до озера Хула. Его границы были более уязвимыми. В княжество можно было с легкостью попасть с побережья Средиземного моря через Акру, а с востока – по дорогам, проходившим к северу и югу от Галилейского моря. Но и оттуда ушла большая часть мусульманского населения. На этих территориях также остались одни христиане и небольшие еврейские общины, жившие в городах, особенно в Сафед, на протяжении долгого времени остававшимся центром изучения Талмуда. Однако после резни иудеев в Иерусалиме и Тверии,

¹ Сумев достигнуть преклонного возраста, Петр скончался в 1115 г.

а также противостояния с христианами в Хайфе большинство евреев предпочло последовать за мусульманами в добровольную ссылку.

Сердцем королевства были центральный горный хребет и Галилея, но оно уже запустило щупальца в окрестные области, где обитало больше мусульман. Незадолго до описываемых событий княжество Галилея получило выход к морю в районе Хайфы. Доступ из расположенной на юге пустыни Негев закрывал франкский гарнизон, расположенный в Хевроне. Однако замок Святого Авраама, как эту крепость называли франки, представлял собой лишь островок в исламском море. Франки не контролировали пути, которые вели из Аравии, вокруг южной оконечности Мертвого моря и вдоль старой Дороги специй византийцев. По этим дорогам бедуины могли проникнуть в Негев и примкнуть к египетским гарнизонам в расположенных на побережье Газе и Аскалоне.

Из самого Иерусалима можно было попасть к морю по пути, шедшему через Рамлу и Лидду в Яффу. Однако эта дорога была небезопасной, и передвигаться по ней можно было только в сопровождении вооруженного конвоя. По этой местности бродили диверсионные группы из египетских городов, беженцы-мусульмане, пришедшие с нагорья, и бедуины из пустыни, устраивавшие засады на неосмотрительных путников. Скандинавский паломник Зевульф, отправившийся в Иерусалим в 1102 г., после того как Балдуин укрепил оборону королевства, пришел в ужас от того, насколько опасным оказался путь. Между Яффой и Хайфой располагались мусульманские города Арсуф и Кесария, эмиры которых провозгласили себя вассалами Готфрида, но посредством моря поддерживали связь с Египтом. Побережье к северу от Хайфы находилось в руках мусульман; это примерно 200 миль (320 км) вплоть до окрестностей Латакии, где под защитой византийского наместника жила вместе с домочадцами мужа герцогиня Тулузская.

Палестина была бедным регионом – она не смогла сохранить богатство, которым славилась в римский период, вследствие набегов персов и постоянных войн, так как приход турок помешал халифам завершить ее восстановление. На ее территории росло больше лесов, чем в наше время. Несмотря на опустошение, причиной которого стали персы, и постепенного уничтожения из-за крестьян и коз, в Галилее вдоль гребня горы Кармель и вокруг Самарии все еще росли обширные леса, а вдоль побережья, к югу от Кесарии, раскинулись заросли сосен. Они способствовали увлажнению местности, лишенной запасов воды. На территории Изреельской долины простирались поля зерновых. В Иорданской долине с ее тропическим климатом собирали бананы и другие экзотические фрукты. Если бы не прокатившиеся по ней недавно войны, прибрежная равнина с ее полями зерновых и садами, где выращивали овощи и горькие апельсины, процветала бы. Многие горные деревни были окружены оливковыми рощами и фруктовыми садами. Однако в целом в стране царил засушливый климат, а почва (особенно вокруг Иерусалима) была неглубокой и малоплодородной.

Ни в одном из городов не было более или менее масштабных производств. Даже когда королевство достигло апогея, его правители не могли похвастаться таким же богатством, как графы Триполи или князья Антиохии. Основным источником доходов были пошлины, так как все выращенное в плодородных долинах, простиравшихся вдоль Иордана, Моава и Джаулана, вывозилось из страны через порты, расположенные на побережье Палестины. Товары, которые везли из Сирии в Египет, перемещались по палестинским дорогам, а караваны со специями, выдвигавшиеся из Южной Аравии, с давних времен шли через Негев к Средиземному морю. Но для того чтобы этот источник доходов был надежным, следовало не позволять товарам покидать пределы страны через другие пункты. Франки должны были контролировать всю границу от залива Акаба до горы Хермон и даже от Ливана до Евфрата.

Кроме того, пребывание в Палестине неблагоприятно сказывалось на здоровье. Иерусалим с его чистым горным воздухом и римскими водопроводом и канализацией был в этом смысле городом вполне благополучным, если не считать периодов, когда с юга дул горячий

хамсин, приносивший с собой пыль. Но более жаркие равнины, плодородие которых не могло не привлекать захватчиков, с застоявшейся водой, мухами и москитами, оказались рассадниками различных заболеваний. Там царили малярия, тиф и дизентерия. По перенаселенным грязным деревням быстро распространялись эпидемии таких болезней, как холера или чума. Нередки были случаи проказы. Европейские рыцари и солдаты, с их не подходящей для ближневосточного климата одеждой, волчьим аппетитом и полным безразличием к личной гигиене, становились жертвами всех этих болезней. Еще более высокой была смертность среди привезенных ими с собой детей, особенно сыновей. Жестокая шутка природы, решившей сделать так, чтобы маленькие девочки были крепче своих братьев, в будущем заставит королевство франков постоянно сталкиваться с политическими проблемами. Позже, когда поселенцы перенимали местные обычаи, их шансы на длинную жизнь стали возрастать, но детская смертность оставалась пугающе высокой. Вскоре стало ясно: чтобы число франков, живших в Палестине, оставалось достаточным для удержания контроля над страной, следует обеспечить постоянный и достаточно многочисленный приток переселенцев из Европы.

В первую очередь королю Балдуину было необходимо обеспечить безопасность своего государства, и для этого требовалось перейти в наступление. Следовало захватить Арсуф и Кесарию и включить их земли в состав королевства. Нужно было вернуть Аскалон, которого христиане лишились в 1099 г. из-за зависти Готфрида к графу Раймунду, и отодвинуть границу с Египтом дальше на юг, что позволило бы обезопасить путь, соединявший Иерусалим с побережьем. В Трансиордании и на территории, расположенной к югу от Мертвого моря, следовало организовать передовые посты. Новый правитель должен был связать свое королевство с христианскими государствами, находившимися на севере, открыв таким образом путь для паломников и переселенцев. Ему следовало продвинуться как можно дальше вдоль побережья и способствовать созданию христианских государств в Сирии.

К тому же Балдуин должен был обеспечить свое государство морским портом, превосходящим Яффу и Хайфу. Дело в том, что рейд в Яффе был открытым, а море там было слишком мелководным для того, чтобы большие корабли могли подойти близко к берегу. На сушу с них высаживались при помощи небольших лодок, что было очень опасным, когда начинал дуть ветер. Если он оказывался сильным, опасность начинала угрожать уже самим кораблям. Высадившийся в 1102 г. в Яффе на берег Зевульф наблюдал, как утонули более двадцати кораблей из тех, вместе с которыми он плыл, и погибло более тысячи паломников. Рейд в Хайфе был глубже, а от южного и западного ветров его защищала гора Кармель. Однако северный ветер все равно представлял опасность для кораблей, входивших в этот порт. Единственным безопасным в любую погоду портом на палестинском побережье была Акра. Захватить его следовало из стратегических соображений и в целях дальнейшего развития торговли.

В сфере внутренней политики Балдуин нуждался в первую очередь в деньгах и в людях. Не будучи достаточно богатым для того, чтобы контролировать своих вассалов, он мог даже не надеяться, что ему удастся создать королевство. Людские ресурсы можно было получить, расширяя поток переселенцев и убеждая местных христиан в необходимости сотрудничества. Раздобыть деньги можно было, способствуя развитию торговли с соседними странами и пользуясь благочестивыми порывами набожных жителей Европы, решивших поддержать христианское государство в Святой земле и внести свой вклад в его создание и развитие. Однако подобные пожертвования делались в пользу церкви, а значит, для того, чтобы заставить эти деньги работать на благо всего королевства, Балдуину нужно было ее контролировать.

Самым крупным преимуществом франков была разобщенность мусульманского мира. Именно благодаря взаимной зависти мусульманских правителей и их нежеланию действовать сообща Первый крестовый поход оказался удачным. Мусульмане-шииты во главе с египетским халифом из династии Фатимидов ненавидели турок-суннитов и багдадского халифа так же сильно, как и христиан. Последние тоже не были едины – Сельджукиды и Данишмендиды бес-

престанно соперничали друг с другом, Артукиды – с родом Тутуша, да и между двумя сыновьями последнего также существовала вражда. Отдельные атабеки, такие как Кербога, пытались реализовывать собственные амбиции, что еще больше усложняло ситуацию, в то время как малозначительные арабские династии, к примеру Бану Аммар из Триполи или Мункизиды из Шайзара, использовали эти неурядицы в собственных целях, так как подобная разобщенность позволяла им сохранять независимость. Благополучный исход крестового похода только усилил весь этот хаос. Уныние и взаимные обвинения делали перспективы сотрудничества мусульманских правителей друг с другом еще более туманными.

Христиане сумели извлечь из ослабления мусульман выгоду. Льстивый и по-своему гениальный византийский император Алексей смог воспользоваться крестовым походом, чтобы вернуть контроль над Западной Малой Азией, а незадолго до описываемых событий византийский флот вернул под власть императора все побережье полуострова. Теперь во власти византийцев благодаря помощи Раймунда Тулузского снова оказался даже расположенный в Сирии порт Латакия. У армянских княжеств, располагавшихся в горах Тавра и Антитавра, над которыми из-за действий турок нависла угроза уничтожения, теперь появился шанс на выживание. Кроме того, в результате крестового похода образовались два франкских княжества, сумевшие внести в исламский мир разлад.

Самым богатым и наиболее защищенным из них было Антиохийское княжество, основанное норманном Боэмундом, несмотря на противодействие со стороны другого предводителя крестового похода, Раймунда Тулузского, и клятву, данную императору Алексею. Площадь этого государства была невелика – оно включало в себя нижнюю часть долины Оронта, Антиохийскую равнину и горный хребет Аманус, а также два морских порта – Александретту и Святой Симеон. Однако сама Антиохия, несмотря на трудности, с которыми ее жителям пришлось столкнуться незадолго до этого, была очень богатым городом. Жившие в ней ремесленники производили одежды из шелка и ковры, изделия из стекла и керамики, а также мыло. Невзирая на войны между мусульманами и христианами, в ее ворота заходили караваны из Алеппо и Месопотамии, направлявшиеся к морю. Практически все жители княжества являлись христианами. Среди них были греки и православные сирийцы, прихожане сиро-яковитской православной церкви и немногочисленные несториане, а также армяне, и все они относились друг к другу с такой завистью, что норманны без труда могли их контролировать.

Наибольшую угрозу извне представляли не столько мусульмане, сколько византийцы. Император считал, что его обманули и именно он должен был завладеть Антиохией, и теперь, заполучив киликийские порты и Латакию, он, зная, что на Кипре расположился византийский флот, стал ждать подходящего момента для того, чтобы вновь заявить о своих правах. Православные жители княжества искренне надеялись, что византийцы снова вернут власть над его территорией, но норманны могли противопоставить им армян и яковитов. Летом 1100 г. Антиохии пришлось столкнуться с тяжелым ударом судьбы – Боэмунд отправился в поход к верховьям Евфрата, но эмир из династии Данишмендидов разбил его войско, а самого его взял в плен. Однако, если не считать потерю людских ресурсов, эта беда не причинила заметного вреда княжеству. Благодаря быстрым действиям короля Балдуина, тогда еще бывшего графом Эдесским, турки не смогли воспользоваться победой, а через несколько месяцев из Палестины прибыл Танкред, занявший на время пленения дяди место регента. Он стал столь же энергичным и беспринципным правителем норманнов, как и Боэмунд.

Второе франкское государство, графство Эдесса, служило буфером, защищавшим Антиохию от мусульман. Графство, где теперь правил двоюродный брат и тезка Балдуина Балдуин де Бур, занимало большую, чем княжество, территорию. Оно раскинулось на обоих берегах Евфрата, от Раванды и Айнтапа до размытой границы в районе Джебзире, расположенного к востоку от Эдессы. У него не было естественных границ, а население оказалось весьма пестрым, так как, хотя по большей части его жители (в основном яковиты и армяне) испове-

довали христианство, на территории графства располагались и мусульманские города, такие как Суруч. Франки не могли даже надеяться на то, что им удастся сформировать централизованную систему управления этим государством. Вместо этого они расположили гарнизоны в нескольких крепостях, из которых можно было спокойно отправляться собирать с близлежащих деревень дань и налоги. Кроме того, это позволяло им совершать весьма удачные набеги на соседние государства. Вся эта область всегда была приграничной, и на ее территории велись бесконечные войны, но могла похвастаться плодородными землями и множеством процветающих городов. Подати и набеги приносили графу Эдесскому неплохой доход. Богатство Балдуина I, когда он был графом Эдессы, намного превосходило то, которым он мог похвастаться, став королем Иерусалима.

Оба государства очень нуждались в притоке людских ресурсов, но и данная проблема стояла здесь не так остро, как в Иерусалиме. Захватив эти земли, мусульмане запретили местным христианам носить оружие, из-за чего среди последних не нашлось солдат, на которых могли бы положиться новые правители. Однако Антиохия и Эдесса прежде принадлежали Византии, и для живших там христиан, особенно армян, воинская доблесть не была пустым звуком. Франкские князья понимали: согласившись сотрудничать, армяне предоставят им готовое войско. Боэмунд и Танкред в Антиохии, Балдуин I и Балдуин II в Эдессе сначала пытались снискать доверие армян, но те оказались ненадежными и вероломными союзниками. Им не следовало давать ключевые должности. Правители Антиохии и Эдессы нуждались в рожденных на Западе рыцарях, способных руководить их войсками и командовать крепостями, и в рожденных на Западе священнослужителях, которые смогли бы участвовать в управлении государством. Однако в то время как в Антиохии переселенцев ждало вполне безопасное существование, в Эдессу готовы были ехать только искатели приключений, предпочитавшие образ жизни предводителей шаяков разбойников.

От этих двух франкских государств Иерусалимское королевство отделяла длинная полоска земли, на которой господствовали завистливые мусульманские правители. К северу от королевства, на побережье, располагались четыре богатых морских порта – Акра, Тир, Сидон и Бейрут, каждый из которых принес клятву верности Египту, хотя о ней они то вспоминали, то снова забывали в зависимости от того, насколько близко находился египетский флот. К северу от Бейрута правили эмиры из династии Бану Аммар, столица государства которых находилась в Триполи. Незадолго до описываемых событий эмир, правивший в Триполи, сумел извлечь выгоду из отхода крестоносцев на юг, расширив границы своего государства до Тартуса. В Джебле, что между Тартусом и Латакией, правил местный кади ибн Сулайха, летом 1101 г. передавший ее Тугтегину, атабеку правителя Дамаска Дукака, который, в свою очередь, передал ее династии Бану Аммар. В горах Ансария, за Тартусом и Джеблой, располагались небольшие эмираты Бану Мухрит в Маркабе и Кадмусе и Бану Амрун в Кахфе. Верхняя часть долины реки Оронт была разделена между искателем приключений из Апаimei Халафом ибн Мутаибом, мусульманином-шиитом, признавшим верховенство Фатимидов, Мункизидами, правившими в Шайзаре, наиболее влиятельной среди этих малозначительных династий, и правителем Хомса Джанах ад-Даула, бывшим атабеком правителя Алеппо Ридвана, поссорившимся со своим господином и решившим насладиться мнимой независимостью. В Алеппо продолжал править Ридван, который, будучи представителем династии Сельджукидов, носил титул малик, царь. Расположенный восточнее район Джезире в основном находился во власти членов династии Артукидов, отошедших туда, когда Фатимиды в 1097 г. отвоевали Иерусалим, и считавшихся вассалами Дукака из Дамаска. Последний, носивший, как и его брат Ридван, титул малик, правил в Дамаске.

Еще большую сумятицу в эту политическую ситуацию вносила пестрота населения Сирии. Разбросанные по ее территории турки были представителями феодальной аристократии, но практически всеми менее значимыми эмирами являлись арабы. Городское население

ние на севере Сирии и в районе Дамаска в основном составляли христиане, разделявшие учение сиро-яковитской церкви. В восточных районах проживали несториане, а с севера в эти области проникали армяне. Территория, которой правили представители династии Бану Аммар, была населена монофелитами – сторонниками религиозного движения, входившего в состав маронитской церкви. В горах Ансария обитало племя нусайритов, приверженцев одноименной шиитской секты, на которых опирался Халаф ибн Мутаиб. Южные склоны горного хребта Ливан были населены друзами, шиитами, признававшими божественную природу халифа Хакима и ненавидевшими всех своих соседей-мусульман, но еще с большей нетерпимостью относившимися к христианам. Ситуацию также осложняли постоянный процесс переселения арабов из пустыни на обжитые земли, а также курдов из расположенного к северу горного региона и присутствие групп туркмен, готовых наняться к любому полководцу, способному им заплатить.

Наиболее могущественными из властелинов расположенных по соседству с Сирией государств, исповадовавших ислам, были египетские Фатимиды. В Средневековье Дельта и долина Нила были наиболее густонаселенными областями. В Каире и Александрии было прекрасно развито производство стекла, керамики, а также изделий из металла, льна и парчи. На полях Египта в обилии росли зерновые, а в Дельте раскинулись обширные плантации сахарного тростника. Египет контролировал торговый путь из Судана, откуда привозили золото и гумми-арабик, страусовые перья и слоновую кость. Торговля с Дальним Востоком теперь велась через Красное море, а значит, в Средиземное море корабли попадали через египетские порты. Правители Египта могли снаряжать армии, численность которых поражала воображение, и, хотя сами египтяне считались плохими солдатами, их владыки способны были заплатить стольким наемникам, скольким считали необходимым. К тому же в их распоряжении имелся весьма солидный флот. При этом халиф из династии Фатимидов, будучи шиитом, по вполне объяснимым причинам мог считаться защитником единоверцев-шиитов, живших в Сирии. Однако Фатимиды придерживались традиции, требовавшей от них терпимости, и многие арабы-сунниты, опасавшиеся владычества турок, были готовы принести клятву верности правителям Египта. Из-за вторжений турок площадь владений Фатимидов в Сирии сократилась, а их репутация значительно пострадала после того, как франки захватили Иерусалим и одержали победу над превосходившей их по численности объединенной египетской армией в битве при Аскалоне. Однако правители Египта вполне могли позволить себе лишиться войска. Было ясно, что визирь аль-Афдаль, правивший Египтом от имени малолетнего халифа аль-Амира, будучи армянином родом из Акры, сделает все возможное, чтобы отомстить за поражение и вернуть Палестину. Тем временем египетский флот поддерживал связь с мусульманскими городами, расположенными на побережье.

Представитель соперничавшей с Фатимидами династии Аббасидов халиф аль-Мустазхир, еще совсем молодой человек, правил в Багдаде по воле султана из династии Сельджукидов. В то же время самому султану Баркияруку, сыну выдающегося Малик-шаха, не доставало силы и способностей отца. Братья регулярно восставали против него. Ему пришлось пожаловать Санджару, младшему из них, Хорасан, а начиная с 1099 г. он постоянно воевал с другим своим братом – Мухаммедом, в конце концов установившим свою власть над Ираком. Это привело к тому, что Баркиярук как союзник в борьбе против христиан оказался бесполезен.

Глава младшей ветви династии Сельджукидов малик Анатолии Кылыч-Арслан, самостоятельно провозгласивший себя султаном, находился чуть в лучшем, чем его двоюродный брат, положении. В результате Первого крестового похода он лишился Никеи, являвшейся столицей его государства, и значительной части своего состояния, потерянной в результате битвы у Дорилея. Большая часть территории, которая прежде ему принадлежала, теперь перешла к византийцам. Кылыч-Арслан испортил отношения с Сельджукидами, правившими на Востоке, отказавшись признать их превосходство. Однако благодаря переселившимся в Анатолию турк-

менам он сумел восстановить армию и население своих владений, вследствие чего получил возможность оттеснить христиан. Более эффективно действовали эмиры из династии Данишмендидов, правившие в Сивасе и распространившие свое господство на северо-восток полуострова. Эмир Гюмюштекин незадолго до этого прославился своей победой над Боэмундом, став таким образом первым мусульманским правителем, разбившим войско франкских рыцарей. Ему также удалось воспользоваться переселением туркмен.

Между Анатолией, где правили турки, и франкскими государствами в Северной Сирии находилось несколько армянских княжеств. В одном из них правили Ошиниды, контролировавшие центральную часть гор Тавра, а в другом, расположенном восточнее, – князья из династии Рубенидов. В районе Антитавра княжил Васил Гох, в Мараше – Торос, а в Мелитене – Гавриил. Торос и Гавриил были православными христианами и, соответственно, с готовностью сотрудничали с византийцами. Они, как и Ошиниды, легитимировали свою власть с помощью титулов, полученных от императора. Однако Рубениды, оказавшиеся единственными из всех армянских князей, кому удалось создать более или менее стабильное государство, традиционно враждебно относились к Византии и православной церкви.

Из всех соседей народов, живших в Сирии, наибольший интерес к происходившим там событиям проявляли византийцы. Трон в Константинополе на протяжении почти двадцати лет занимал император Алексей. Когда он взошел на престол, империя находилась в упадке, но его талант дипломата и бережливость, а также благоразумие, которые он проявлял в отношениях со своими подданными и соперниками, жившими как в Византии, так и за ее пределами, позволили ему восстановить в государстве стабильность. Алексей использовал крестовый поход, чтобы отобрать Малую Азию у турок, а обновленный флот дал ему возможность обрести контроль над побережьем.

Даже в худшие для нее времена Византия обладала на Востоке прекрасной репутацией. Она была преемницей Римской империи с ее тысячелетней историей, а византийский император считался общепризнанным лидером христиан, с какой бы неприязнью его собратья ни относились к его политике или даже к жадности. Константинополь с его многочисленными и постоянно занятыми жителями, его богатством и внушительными оборонительными сооружениями производил на современников, живших по всему средневековому миру, неизгладимое впечатление. Войско империи было оснащено намного лучше, чем другие армии того времени. На протяжении долгого времени византийская монета считалась единственной твердой валютой. При обмене валют использовался иперпир, который нередко называют безантом, золотой солид, ценность которого установил Константин Великий. Византии было суждено играть ведущую роль в политических событиях на Востоке на протяжении почти целого грядущего столетия, но в реальности ее успехи были обусловлены скорее выдающимися качествами государственных деятелей и престижем, обусловленным ее связью с Римской империей, чем силой.

Вторжения турок практически уничтожили социальную организацию и экономику Анатолии, откуда в прежние времена империя получала значительную часть солдат и продуктов питания, и, хотя шанс вернуть территорию у Византии был, восстановление прежней структуры общества не представлялось возможным. Теперь войско состояло почти исключительно из наемников, а значит, его содержание требовало больших финансовых затрат и на него нельзя было положиться. Наемников тюркского происхождения, таких как печенеги, можно было спокойно использовать в боях против франков или славян, но неизвестно было, как они себя поведут при столкновении с турками в Азии. Франкские наемники не желали сражаться со своими сородичами. В начале своего правления Алексею даже пришлось обратиться за помощью к венецианцам и предоставить им торговые привилегии, причинившие ущерб его собственным подданным. Такие же привилегии впоследствии были предоставлены другим приморским городам – Генуе и Пизе. Вследствие этого доходы от византийской торговли оказались в руках иноземцев. Чуть позже, нуждаясь в живых деньгах, Алексей пошел на порчу монеты, повелев

чеканить золотую монету прежнего веса, но с меньшим содержанием золота. В итоге доверие к безанту стало падать, и партнеры Византии вскоре потребовали, чтобы с ними расплачивались «михаилами», монетами, отчеканенными в правление Михаила VII, последними из тех, в ценности которых ни у кого не было сомнений.

В первую очередь императора беспокоило благосостояние Византии. Он с одобрением отнесся к Первому крестовому походу и готов был сотрудничать с его предводителями. Но амбиции Боэмунда и предательство, совершенное им при захвате Антиохии, шокировали и разозлили Алексея. Его охватило желание вернуть Антиохию и захватить контроль над дорогами, которые вели в этот город через Малую Азию. Когда крестоносцы двинулись дальше на юг, в Палестину, он перестал помогать им. На протяжении всего предшествовавшего этому столетия византийцы традиционно придерживались политики сотрудничества с правившими в Египте Фатимидами в борьбе против Аббасидов-суннитов и турок. Можно утверждать, что, не считая сумасшедшего халифа Хакима, Фатимиды очень терпимо относились к восточным христианам. Следовательно, у Алексея не было оснований для того, чтобы полагать, будто франки окажутся для них более подходящими правителями. Поэтому, когда крестоносцы двинулись на Иерусалим, он увел свои войска. Однако в то же время, являясь покровителем православия, он не мог остаться безразличным к судьбе Иерусалима. Император решил: если франкское королевство выдержит испытание временем, то он сделает все возможное, чтобы оно было признано. Он готов был сделать для франков, оставшихся в Палестине, несколько жестов доброй воли, но свою помощь собирался свести к открытию дорог Малой Азии. В отношении к поселившимся в Антиохии норманнам Алексей испытывал лишь враждебность и мог стать для них опасным противником. Очевидно, он не стремился вернуть Эдессу. Возможно, император понимал, что появившееся там франкское княжество способно оградить его владения от мусульман.

Новым фактором, который начал оказывать влияние на политику ближневосточных государств, стало вмешательство в нее итальянских городов. Сначала их жители постеснялись принять участие в крестовом походе, но затем поняли, что он способен принести им выгоду. Затем Пиза, Венеция и Генуя отправили на Ближний Восток свои корабли, пообещав крестоносцам помощь в обмен на торговую площадь в каждом захваченном городе. Рыцари с удовольствием приняли это предложение, так как оно сулило возможность получить поддержку с моря, позволявшую крестоносцам захватить прибрежные мусульманские города. Кроме того, благодаря итальянским кораблям для крестоносцев открывались более быстрые и безопасные пути сообщения с Западной Европой, чем долгая дорога по суше. Но из-за привилегий, которые итальянцы потребовали и получили, правители франкских государств лишались значительной части потенциальных доходов.

Сложность международной обстановки не давала королю Балдуину почву для оптимизма. Его союзники действовали вяло или оказывались ненасытными, да и руководствовались они в первую очередь собственными интересами. Разобщенность врагов была ему выгодна, но он, возможно, понимал: если мусульмане сумеют найти предводителя, способного объединить их всех, шансы на выживание франкских государств, появившихся на Ближнем Востоке, будут невелики. Между тем сам он оказался в обществе крайне немногочисленных сторонников в местности со смертоносным климатом, которая на протяжении столетий служила полем боя для различных народов. Поэтому, узнав, что на Западе готовится новый крестовый поход, Балдуин стал ждать его с нетерпением.

Глава 2. Крестоносцы в 1101 г.

Но они сказали: «не будем слушать».
Книга пророка Иеремии, 6: 17

Новость о том, что христиане сумели отвоевать Иерусалим, достигла Западной Европы летом 1099 г. и встречена была с энтузиазмом и радостью. Авторы хроник повсеместно откладывали повествование о местных событиях, чтобы увековечить рассказ о величайшем проявлении божественной милости. Однако сам папа Урбан к тому моменту уже умер и не узнал об успехе крестоносцев, но его друзья и помощники среди служителей церкви возносили хвалы Господу за успех вдохновленного папой предприятия. На протяжении последовавшей за этим зимы многие предводители крестоносцев вернулись домой в сопровождении своих солдат. Как и все остальные вояки, вновь оказавшиеся дома, крестоносцы, без сомнения, преувеличивали тяготы, с которыми им пришлось столкнуться во время путешествия, и великолепие земель, где они оказались. Конечно же, помимо всего прочего, они, по воле Небес, совершили множество чудес. Однако все они в один голос говорили, что для доведения божественного замысла до конца на Востоке требуются солдаты и поселенцы и что искателей приключений там ждут богатство и обширные владения. Они призывали совершить новый крестовый поход, получивший благословение и от служителей церкви.

В новый поход крестоносцы могли отправиться не раньше начала осени 1100 г. Зима не подходила для путешествий, да и урожай нужно было собрать. Все же в сентябре 1100 г. из Италии в сторону Востока выдвинулись участники Ломбардского крестового похода во главе с выдающимся ломбардцем архиепископом Миланским Ансельмом Бовизским. Его сопровождали графы Альберто де Бьяндрате и Гиберт Пармский. Во время Первого крестового похода ломбардцы не сыграли какой-либо значимой роли. Многие из них отправились на Восток в первые месяцы после его начала, присоединились к Петру Пустыннику и с помощью интриг с его германскими последователями, направленными против франков, способствовали крушению его похода. Выжившие впоследствии поступили на службу к Боэмунду. Соответственно, из всех предводителей крестового похода именно последний пользовался наибольшим уважением в Ломбардии.

Новый поход был организован немногим лучше, чем предыдущий. В нем участвовало совсем немного профессиональных солдат. В основном на Восток отправилась чернь, набранная в трущобах городов Ломбардии, люди, размеренное течение жизни которых нарушило развитие на их родине производства. С ними в поход шло множество священнослужителей, а также женщин и детей. В итоге эта экспедиция оказалась довольно многочисленной, даже если учесть, что цифру в 200 000 человек, которую приводит в своей работе Альберт Аахенский, нужно поделить как минимум на десять. Ни архиепископ, ни Альберто де Бьяндрате, считавшийся предводителем этого похода, не были в силах контролировать его участников.

Осенью 1100 г. ломбардцы неспешно продвигались по Крайне, по долине реки Савы, через земли, где правил король Венгрии. В районе Белграда они проникли на территорию Византии. Алексей был готов помочь им. Его войска сопровождали участников похода по территории Балкан. Затем, так как это огромное количество людей невозможно было разместить в одном лагере, их разделили на три части. Одна из них должна была провести зиму в лагере возле Филиппополя, вторая – у Адрианополя, а третья – у Родосто. Но и после этого участники похода оказались слишком неорганизованными для того, чтобы их можно было контролировать. Те, кто оказался в каждом из этих подразделений, стали совершать набеги на окрестности, грабить деревни, вламываться в зернохранилища и даже обворовывать церкви. В конце концов в марте император привел всех участников похода в лагерь, разбитый за стенами Кон-

стантинополя, намереваясь как можно быстрее переправить их в Азию. Но они слышали, что на помощь им выдвинулись другие крестоносцы, и отказались пересекать Босфор до тех пор, пока не придет пополнение. Для того чтобы заставить их сдвинуться с места, император приказал урезать поставки провианта, из-за чего участники похода тотчас же напали на город и пробились во двор императорского дворца во Влахернах. Оказавшись там, они убили одного из львов императора и попытались открыть дворцовые ворота. Миланский архиепископ и Альберто де Бьяндрате, тепло принятые императором, были в ужасе. Они поспешно пробились в центр восставшей толпы и сумели убедить людей по крайней мере вернуться в лагерь. Но им еще нужно было успокоить императора...

Мирного разрешения конфликта удалось достичь благодаря Раймунду Тулузскому, проводившему зиму в гостях у Алексея и пользовавшемуся его полным доверием. Будучи первым среди всех предводителей крестоносцев, другом папы Урбана и епископа Адемара, он все еще обладал огромным влиянием. Ломбардцы прислушались к его словам и, воспользовавшись его советом, согласились выдвинуться в Азию. Ближе к концу апреля они разбили лагерь неподалеку от Никомедии, где стали ждать пополнение, которое должно было прийти с Запада. Стефану Блуаскому так и не позволили забыть побег из Антиохии. Он не выполнил клятву, которую дал перед началом крестового похода, и проявил трусость перед лицом врага. Его жена графиня Адела, дочь Вильгельма Завоевателя, очень стыдилась этого его поступка. Наверняка она ворчала на него даже в супружеской спальне, требуя, чтобы он вновь отправился на Восток и восстановил свою репутацию. Стефан не мог сослаться на то, что нужен дома, ибо реальной правительницей страны всегда была его супруга. В итоге весной 1101 г. он, мучимый предчувствием беды, неохотно снова отправился в Святую землю.

Узнав о том, что Стефан Блуаский отправляется в поход, многие франкские рыцари во главе с графом Бургундии Стефаном, Гуго де Бруа, Балдуином де Гранпре и епископом Суассона Гуго де Пьерфоном решили присоединиться к нему. Они отправились на юг через Италию, пересекли Адриатическое море и достигли Константинополя примерно в начале мая. По пути их нагнал небольшой германский отряд под командованием Конрада, коннетабля императора Генриха IV.

Крестоносцы-франки обрадовались, узнав, что Раймунд находится в Константинополе, да и сам византийский император принял их очень хорошо. Возможно, последовав совету Алексея, они решили, что Раймунд должен возглавить поход; ломбардцы также пошли на уступки и согласились с этим предложением. В последние дни мая вся армия, состоявшая из франков, германцев и ломбардцев, а также немногочисленных византийцев под командованием военачальника Цитаса, которого также сопровождал отряд тюркских наемников, вероятно печенегов, выступил из Никомедии в сторону Дорилея.

Участники крестового похода планировали достичь Святой земли, а по дороге расчистить путь, который шел по Малой Азии (нужно сказать, что император полностью поддерживал выполнение этой вторичной для крестоносцев задачи). Поэтому Стефан Блуаский предложил двигаться по дороге, проходившей через Дорилей и Конью, которой в свое время воспользовались участники Первого крестового похода. Раймунд с ним согласился, так как это предложение вполне соответствовало инструкциям, полученным им от Алексея. Однако у ломбардцев, составлявших основу войска, было другое мнение. Они считали своим героем Боэмунда, и только он, по их мнению, был единственным полководцем, способным вести их к победе. Сам Боэмунд в это время находился в плену у эмира из династии Данишмендидов в его замке в Никсаре, расположенном далеко на северо-востоке Анатолии. Ломбардцы настаивали, что в первую очередь следует освободить Боэмунда. Раймунд и Стефан пытались спорить, но тщетно. О том, что Раймунд завидует Боэмунду, знали слишком многие; к тому же, несмотря на все его качества, он ни разу не проявил себя как сильный военный лидер, а репутация Стефана была испорчена воспоминанием о проявленной им трусости. Миланский архи-

епископ и Альберто де Бьяндрате поддержали ломбардцев, в итоге сумевших добиться своего. Выйдя из Никомедии, войско повернуло на восток и направилось в сторону Анкары. Большая часть этой территории находилась во власти византийцев, благодаря чему крестоносцы по пути могли спокойно раздобыть пищу. В самой Анкаре управлял султан из династии Сельджукидов Кылыч-Арслан, но, прибыв туда 23 июня, крестоносцы увидели, что город плохо укреплен, и взяли его приступом. Затем Анкару передали во власть императора, сделав таким образом очень правильный шаг.

Покинув Анкару, крестоносцы отправились на северо-восток по пути, который вел в Гангру в Южной Пафлагонии, собираясь выйти на большую дорогу в сторону Амасьи и Никсара. Уже по пути в Гангру у крестоносцев начались проблемы. Кылыч-Арслан отступал, двигаясь перед ними и опустошая при этом области, по которым шел, вследствие чего участникам похода не удавалось найти для себя пищу. Тем временем о приближающемся войске узнал Малик Гази из династии Данишмендидов. Он поспешил возобновить союз с Кылыч-Арсланом и уговорил правителя Алеппо Ридвана прислать с юга подкрепление. В начале июля крестоносцы достигли Гангры, но там их встретили полностью готовые к бою сельджуки. Крепость действительно оказалась неприступной. Разграбив окрестности и забрав столько еды, сколько можно было унести, крестоносцы были вынуждены уйти. Они были вымотаны, их мучило чувство голода, да и июльскую жару на Анатолийском нагорье вынести непросто. Охваченные разочарованием, они прислушались к словам графа Раймунда, посоветовавшего им отступить на север, к Кастамону, а оттуда – в один из византийских городов на побережье Черного моря. Это отступление должно было спасти войско от неизбежного уничтожения. Раймунд, несомненно, думал, что император простит его за непослушание, ведь он планировал на обратном пути захватить два города: Анкару и Кастамону – и передать их Алексею. Не случайно последний из этих двух городов носил название *Castra Comnenon* – именно оттуда происходила правившая в Византии династия.

Крестоносцы двигались в сторону Кастамону медленно, терпя по пути многочисленные лишения. Воды не хватало, а турки уничтожили весь урожай. К тому же турки быстро двигались по шедшим параллельно дорогам и нападали то на авангард, то на арьергард крестоносцев. Не успели они уйти на более или менее приличное расстояние, как внезапно авангард войска христиан, состоявший из 700 ломбардцев, подвергся атаке. Охваченные паникой ломбардские рыцари бежали, лишив таким образом защиты пехоту. Стефан Бургундский с трудом сумел сплотить авангард и оттеснить противника. На протяжении нескольких последовавших за этим дней Раймунд, командовавший арьергардом, был вынужден отбивать постоянные нападения турок. Армии вскоре пришлось двигаться сплоченными рядами, из-за чего ее предводители лишились возможности отправлять фуражиров на поиски еды и разведчиков для изучения обстановки.

К тому времени как крестоносцы добрались до окрестностей Кастамону, полководцам стало ясно, что спастись можно только одним способом – двигаться прямо в сторону побережья. Но ломбардцы снова отказались прислушиваться к голосу разума. Возможно, они винули во всех своих проблемах Раймунда, выбравшего неправильную дорогу до Кастамону. Может, ломбардцы думали, будто, когда они покинут территорию, контролируемую сельджуками, и окажутся во владениях Данишмендидов, все станет гораздо проще. Не желая отказываться от своей блажи, они настаивали на необходимости снова повернуть на восток. Военачальникам пришлось согласиться с этим решением, ибо они понимали: если их небольшие отряды отделятся от основной части войска, то вряд ли сумеют выжить. Крестоносцы двинулись вдоль реки Галис на территорию, находившуюся под властью эмира из династии Данишмендидов. Беспорочно разграбив христианскую деревню, оказавшуюся у них на пути, участники похода дошли до города Мерсивана, расположенного посередине пути между рекой и Амасьей. Там коннетабль Конрад попал в засаду и лишился нескольких сотен солдат из своего отряда. Теперь стало

ясно, что Данишмендиды и их союзники стягивают силы, готовясь к атаке. Раймунд также стал готовить войско христиан к сражению.

Когда началась битва, турки прибегли к своей излюбленной тактике. Их лучники внезапно бросились на врага, выпустили стрелы, а затем снова отступили. При этом тотчас же с другой стороны появились новые стрелки. Крестоносцам не дали возможности перейти к бою врукопашную, так как в нем они могли воспользоваться своими преимуществами – физической силой и более качественным оружием. Вскоре у ломбардцев сдали нервы. Они во главе с Альберто де Бьяндрате в панике бежали с поля боя, оставив на произвол судьбы женщин и священнослужителей. За ними почти сразу последовали наемники-печенеги, решившие не дожидаться неизбежного конца. Сражавшийся с ними Раймунд в какой-то момент понял, что остался один. Ему удалось вместе со своими телохранителями отойти к небольшому скалистому уступу, где он держал оборону до тех пор, пока его не спасли Стефан Блуаский и Стефан Бургундский. Франкские рыцари и германские солдаты под предводительством Конрада храбро сражались на протяжении всей второй половины дня, но противник постепенно оттеснял их к лагерю. К ночи Раймунд понял, что с него достаточно. Под прикрытием темноты он бежал в сопровождении своего телохранителя, бывшего родом из Прованса, и отряда византийцев, двигаясь в сторону побережья. Узнав о его бегстве, другие участники похода сложили оружие. Остатки армии крестоносцев стали спасаться бегством еще до рассвета, оставив туркам лагерь и сопровождавших их людей, не участвовавших в сражении.

Турки остановились, чтобы разделаться с женщинами и стариками, оставшимися в лагере, а затем погнались за беглецами. Скрыться от них сумели только рыцари, ехавшие верхом. Турки догнали и почти полностью перебили пехотинцев. Все ломбардцы, упорство которых привело к беде, за исключением своих предводителей, были уничтожены. Погибло четыре пятых войска крестоносцев. В руках турок оказались многочисленные богатства и большое количество оружия, а восточные гаремы и рынки рабов наполнились молодыми женщинами и детьми, захваченными в тот день турками.

Раймунду и тем, кто его сопровождал, удалось достичь небольшого византийского порта Бафры, расположенного в устье реки Галис. Там они сумели найти корабль, на котором отплыли в Константинополь. Другие рыцари с боями продвигались вдоль реки и достигли побережья у Синопа. Оттуда они неспешно двинулись по прибрежной дороге, шедшей по территории Византии, в сторону Босфора. В начале осени все они встретились в Константинополе.

Пытавшиеся найти козла отпущения крестоносцы свалили всю вину за свое поражение на византийцев. Стали поговаривать, что граф Раймунд, уводя армию с намеченного пути, следовал указаниям императора, из-за чего она попала в заранее подготовленную осаду турок и была полностью разбита. Однако в действительности Алексей был очень зол на Раймунда и других предводителей похода. Он принял их вежливо, но холодно и не скрывал свое недовольство. Если бы крестоносцы захватили для него Кастамону и Пафлагонию, он бы простил их, но сейчас его больше беспокоили другие проблемы – нужно было обезопасить прямой путь в Сирию, не позволить врагам забрать недавно отвоеванные территории на юго-западе Малой Азии и придумать способ, который позволил бы ему вмешаться в ситуацию в Сирии. К тому же он не хотел ввязываться в войну с эмиром из династии Данишмендидов, с которым он уже начал переговоры о выкупе Боэмунда. Сумасбродство ломбардцев нарушило его планы.

Но у случившейся беды были и более серьезные последствия. Победы, одержанные христианами во время Первого крестового похода, далеко не самым лучшим образом сказались на репутации турок и их уверенности в себе. Теперь же они сумели восстановить и то и другое, сделав это с честью. Султан из династии Сельджукидов восстановил свою власть над Центральной Анатолией и вскоре смог перенести столицу в Конью, расположенную на пути, шедшем из Константинополя в Сирию. Тем временем Малик Гази из династии Данишмендидов продолжал захватывать долину Евфрата, подбираясь к границам княжества Эдесса. Сухопутный

путь из Европы в Сирию стал непреодолимым как для крестоносцев, так и для византийцев. Более того, отношения между ними ухудшились. Крестоносцы продолжали считать византийского императора источником всех своих бед, в то время как византийцы впали в ярость из-за глупости, неблагодарности и непорядочности крестоносцев.

Последствия свершившейся катастрофы стали очевидны очень быстро. Уже через несколько дней после того, как ломбардцы выдвинулись из Никомедии, в Константинополь прибыла армия франков во главе с графом Невера Гильомом II. Он покинул дом в феврале, пройдя через Италию, добрался до Бриндизи, где сел на корабль, пересек Адриатическое море и достиг Авлоны. Когда его армия пересекала Македонию, она благодаря царившей в ней жесткой дисциплине успела произвести крайне благоприятное впечатление. Алексей встретил графа очень радушно, но тот решил не задерживаться в Константинополе. Возможно, он надеялся, что сумеет объединить силы с бургундским герцогом, своим соседом, и поэтому из всех сил торопился догнать его. Добравшись до Никомедии, Гильом узнал, что крестоносцы отправились к Анкаре, куда он прибыл ближе к концу июля. Но там никто не знал о местонахождении объединенного войска франков и ломбардцев, и Гильом был вынужден повернуть обратно, чтобы выйти на дорогу, ведущую к Конье. Несмотря на все сложности, связанные с передвижением по территории, не успевшей восстановиться после Первого крестового похода, его армия двигалась, не нарушая строй. В Конье теперь находился большой гарнизон сельджуков, и попытки Гильома взять город приступом не увенчались успехом. Он понял, что оставаться там бессмысленно, и двинулся дальше.

Тем временем о появлении нового врага узнали Кылыч-Арслан и Малик Гази. Окрыленные победой над ломбардцами, они поспешили на юг, вероятно пройдя через Кесарию-Мазаку и Нигде, и достигли Гераклеи раньше Гильома. В это время войско из Невера медленно двигалось от Коньи на восток. Пищи не хватало, а встречавшиеся по пути колодцы турки перекрыли. Подойдя к Гераклее, усталые и ослабленные солдаты попали в засаду и были окружены турецким войском, значительно превосходившим их по численности. После короткого сражения их сопротивление было сломлено. Все франкские солдаты, за исключением самого графа Гильома и нескольких конных рыцарей, пали на поле боя. Спасшиеся сумели прорваться через ряды турок и, проскитавшись несколько дней по горам Тавра, прибыли в византийскую крепость Германикополь, расположенную к северо-западу от Селевкии, находившейся в Исаврии. Тамошний византийский наместник, очевидно, одолжил им в качестве сопровождающих двенадцать наемников-печенегов, которые должны были проводить франков до сирийской границы. Через несколько недель граф Гильом и его сопровождающие, полуголые и безоружные, вступили в Антиохию. Они сказали, что печенеги ограбили их и бросили одних в пустыне, которую все они тогда пересекали. Однако мы до сих пор не знаем, что произошло на самом деле.

Не успел граф Невера пересечь Босфор, как в Константинополь прибыло более многочисленное франко-германское войско. Франками командовал герцог Аквитании Гильом IX, наиболее известный трубадур своего времени и самый ярый политический соперник Раймунда Тулузского. Дело в том, что жена Гильома герцогиня Филиппа приходилась дочерью старшему брату Раймунда и должна была унаследовать графство. Вместе с ним в поход отправился граф Вермандуа Гуго, покинувший своих сородичей во время Первого крестового похода после захвата Антиохии и стремившийся все-таки выполнить свою клятву и увидеть Иерусалим. Аквитанская армия покинула Францию в марте и передвигалась по суше – через юг Германии и Венгрию.

По пути к этой армии присоединился герцог Баварии Вельф, за долгие годы жизни совершивший много славных дел на родине и решивший провести старость в сражениях во имя Господа в Палестине. С собой он привел прекрасно снаряженное войско, состоявшее из германских рыцарей и пехотинцев. Вельфа также сопровождали зальцбургский архиепископ Тимо и

вдовствующая маркграфиня Ида Австрийская, одна из самых красивых женщин своего времени, которая, осознав, что молодость ушла безвозвратно, решила совершить благочестивое деяние, приняв участие в крестовом походе.

Их объединенное войско двигалось вниз по течению Дуная в сторону Белграда, а дальше направилось по широкой дороге, шедшей через Балканы. При этом оно представляло собой совершенно недисциплинированную толпу. К тому времени как армия достигла Адрианополя, она успела снискать такую дурную славу, что византийские власти отправили печенежские и половецкие отряды, которые должны были помешать крестоносцам пройти дальше. Начался довольно вялый бой. Крестоносцы смогли сдвинуться с места только после того, как герцог Гильом и Вельф обещали, что их воины будут вести себя как подобает. Во время пути в Константинополь их сопровождал многочисленный конвой. Алексей радушно встретил прибывших в столицу Византии Гильома, Вельфа и маркграфиню и предоставил им людей, которые должны были как можно быстрее переправить крестоносцев через Босфор. Некоторые из мирных паломников, передвигавшихся вместе с войском, включая Эккехарда из Ауры, сели на корабли, плывшие в Палестину напрямую, и прибыли туда через шесть недель после отплытия.

Два герцога вполне могли бы догнать графа Невера и усилить свою армию с помощью имевшихся в его распоряжении людей. Однако последний предпочел объединиться с графом Бургундии, а граф Гильом не хотел объединять свои силы с войском, возглавляемым его старым врагом графом Тулузским, а как баварский герцог Вельф, старый противник императора Генриха IV, возможно, не питал большой любви к Конраду, коннетаблю последнего. Граф Невера поспешно отправился в сторону Анкары, в то время как аквитанско-баварское войско на протяжении пяти недель стояло на берегу Босфора, а затем медленно двинулось по широкой дороге, шедшей к Дорилею и Конье. К тому времени как они достигли Дорилея, армия из Невера уже успела пройти этот город, возвращаясь назад, и двигалась к Конье.

То, что за несколько дней до них по той же дороге прошло другое войско, не облегчило жизнь аквитанцев и баварцев. Их предшественники уже забрали с собой все скудное продовольствие, которое можно было достать по пути, и в этом, что характерно, крестоносцы обвинили византийцев. Как и солдаты из Невера до них, баварцы и аквитанцы быстро обнаружили, что все колодцы пересохли или были перекрыты. Филомелий был покинут жителями, и крестоносцы его разграбили. Турецкий гарнизон Коньи, противостоявший армии из Невера, покинул город до прихода этого более многочисленного войска, но, прежде чем уйти, турки собрали и забрали с собой все съестные припасы и обобрали все сады в пригороде. В итоге крестоносцы не нашли ничего, что позволило бы им подкрепить силы. Именно тогда всего в нескольких милях от Коньи Кылыч-Арслан и Малик Гази уничтожали людей графа Невера.

Голодные и мучимые жаждой крестоносцы с трудом тащились прочь от Коньи через пустыню, направляясь к Гераклею. Внезапно сбоку от них появилась турецкая конница, которая стала выпускать стрелы, целясь в середину их войска, и вырезать фуражные отряды и оставших солдат. В начале сентября крестоносцы добрались до Гераклеи, но оказалось, что жители покинули не только Конью, но и этот город. Рядом с городом протекала река, одна из немногих в Анатолии, которые не пересыхают летом. Наполовину обезумевшие от жажды христианские воины нарушили строй, спеша к столь долгожданной воде. Однако очень быстро выяснилось, что в зарослях, покрывавших речные берега, скрывалось турецкое войско. Как только крестоносцы беспорядочно бросились к воде, турки выскочили из укрытий и окружили их. Времени на восстановление строя не было, и крестоносцами завладела паника. Охваченные сильнейшим страхом всадники и пехотинцы смешались друг с другом. Они, спотыкаясь друг о друга, пытались спастись бегством, но враги не позволяли им сделать это и убивали их.

Герцог Аквитанский в сопровождении одного из своих слуг прорвался на свободу и укрылся в горах. После многодневных скитаний по горным переходам он вышел к Тарсу. Гуго, граф Вермандуа, получил в бою серьезное ранение, но был спасен сопровождавшими его вои-

нами и также добрался до Тарса, хотя и был уже к тому времени при смерти. Он умер 18 октября, и его похоронили там же, в соборе Святого Павла. Граф так и не исполнил свою клятву увидеть Иерусалим. Вельф Баварский сумел бежать благодаря тому, что успел снять и выбросить доспех. Через несколько недель в сопровождении двух или трех спутников он прибыл в Антиохию. Архиепископ Тимо попал в плен и был подвергнут из-за своей веры мученической смерти. О судьбе маркграфини Австрийской нам ничего не известно. В источниках, датированных более поздним временем, говорится, что она провела остаток дней в качестве пленницы в далеком гареме, где родила мусульманского героя Занги. Но более вероятно, что солдаты в панике бросили паланкин, где находилась женщина, она упала на землю, и ее растоптали насмерть.

Каждый из трех крестовых походов 1101 г. закончился катастрофой, и этот бесславный конец повлиял на всю дальнейшую историю крестоносцев. Турки отомстили за поражение в битве при Дорилее. Их так и не сумели изгнать из Анатолии. Дорога, шедшая через полуостров, осталась небезопасной для армий христиан, кем – франками или византийцами – те ни были бы. Когда позднее византийцы решили вторгнуться в Сирию, им приходилось действовать на краю линий коммуникации, что значительно снижало скорость и делало войска уязвимыми. Франкские переселенцы теперь могли без страха двигаться с Запада по суше через Константинополь только в составе многочисленных армий. Им был доступен только путь по морю, но лишь немногие могли позволить себе заплатить за место на корабле. Вместо тысяч поселенцев, способных принести пользу в Сирии и Палестине, в том году во франкских государствах оказалась только кучка склочных полководцев, лишившихся своих армий и репутации. При этом надо сказать, что там и без них вполне хватало неуживчивых военачальников.

Однако не у всех христиан были основания для того, чтобы сожалеть о трагедии, случившейся в 1101 г. Для итальянских приморских городов потеря сухопутного маршрута через Малую Азию означала, что вскоре они сумеют стать еще более влиятельными и богатыми. Ведь у них были корабли, на которых можно было добраться до франкских государств, расположенных на Востоке. В их помощи нуждались все больше, а они требовали, чтобы взамен им давали торговые привилегии. Жившие в районе Тавра армяне, особенно князья из династии Рубенидов, радовались тому, что Византия лишилась возможности вернуть себе земли, где они жили. В то же время у армян, живших восточнее, причин для радости было меньше. Их главным противником был эмир из династии Данишмендидов, который, вдохновленный триумфом, вскоре напал на них. Жившие в Антиохии норманны, боявшиеся, как и Рубениды, византийцев больше, чем турок, получили весьма полезную для себя передышку. Боэмунд все еще томился в плену, но его регент Танкред сумел в полной мере воспользоваться сложившейся ситуацией и укрепить княжество за счет византийского императора. Вскоре судьба подарила ему козырную карту.

К осени 1101 г. в Антиохию в сопровождении немногочисленных выживших товарищей прибыли герцог Аквитании, графы Баварии и Невера, но предводители франко-ломбардского крестового похода все еще оставались в Константинополе. Алексей так и не сумел простить их за безрассудство. Император разочаровался даже в Раймунде, на которого прежде возлагал такие большие надежды. В конце года полководцы из Европы решили продолжить свое паломничество, и Раймунд попросил императора разрешить ему отправиться в Латакию, чтобы воссоединиться с женой и войском. Алексей с радостью отпустил их и даже предоставил корабли, которые должны были отвезти крестоносцев в Сирию. В самом начале нового года Стефан Блуаский, Стефан Бургундский, коннетабль Конрад и Альберто де Бьяндрате высадились в Святом Симеоне и спешно отправились в Антиохию, где их тепло встретил Танкред. Корабль Раймунда отделился от остальных и причалил к порту Тарса. Как только он вступил на берег, к нему подошел рыцарь по имени Бернард Иноземец и арестовал его за предательство христи-

анской веры, проявившееся в побеге после битвы при Мерсиване. Кучка телохранителей Раймунда не сумела спасти его. Его увели в сопровождении стражи и передали Танкреду.

Глава 3. Норманнские князья Антиохии

*И все они поступают против повелений кесаря.
Деяния апостолов, 17: 7*

Поражение Боэмунда и его пленение представителем династии Данишмендидов Маликом Гази, какими бы тревожными новостями они ни были для современников, принесли пользу франкским князьям. Антиохии требовался регент, и самым подходящим кандидатом на эту роль был племянник Боэмунда Танкред. Король Балдуин таким образом сумел избавиться от своего самого опасного вассала в Палестине, а Танкред радовался тому, что ему удалось распрощаться со своим прежним двусмысленным и небезопасным положением и занять место, на котором он мог развернуться намного шире, с одной стороны, и получить независимость – с другой. В марте 1101 г. Танкред покинул Палестину, договорившись лишь о том, что если в течение трех лет Боэмунд вернется из плена, а жителям Антиохии его племянник больше не будет нужен, то он снова получит свой феодал в Галилее. Таким образом и Балдуин, и Танкред были заинтересованы в том, чтобы Боэмунд оставался в плену. В итоге никаких попыток вступить в переговоры с его пленителем никто не делал.

Танкред оказался прекрасным регентом. Он не стал принимать титул князя Антиохии. По его приказу чеканились монеты, в написанной на порченном греческом языке легенде которых он называл себя «служителем Бога», а иногда – «великим эмиром». Вероятно, общественное мнение антиохийцев не позволило бы ему слишком увлечься в реализации своих амбиций. Норманны все еще считали своим предводителем Боэмунда, верным другом которого к тому же был патриарх, получивший от него этот сан незадолго до пленения. Этим человеком был латинянин Бернард Валенский, и для того, чтобы возвести его на патриарший престол, Боэмунд сместил с него грека Иоанна Оксита. Танкред придерживался той же политики, которую вел его дядя, – принимал меры для централизации власти в княжестве и латинизации церкви. В сфере внешней политики, как и Боэмунд, он стремился обогатиться за счет византийцев и соседних правителей-мусульман. Однако его амбиции были направлены в первую очередь на внутреннюю политику, и он не так активно вмешивался во внешние дела, как его дядя.

В первую очередь Танкред должен был защитить свое государство от Византии. В этом ему очень помогли крестовые походы 1101 г., обернувшиеся катастрофой. Усиление турецких государств Анатолии привело к тому, что на протяжении какого-то времени византийский император опасался отправлять армию через полуостров на далекий юго-восток. Танкред верил, что лучшим способом защиты является нападение, поэтому летом 1101 г., возможно, сразу после того, как он услышал новость о битве при Мерсиване, регент направил войско в Киликию. Его армия должна была повторно захватить Мамистру, Адану и Тарс, занятые византийцами тремя годами ранее. Находившиеся там византийские солдаты были немногочисленны и не могли противостоять Танкреду. Добравшись до Тарса, беглецы Гильом Аквитанский и граф Вермандуа Гуго узнали, что всем в городе распоряжается военачальник антиохийского регента Бернард Чужеземец.

Затем Танкред переключил внимание на Латакию, византийский порт, заполучить который норманны мечтали уже давно. Эта задача оказалась более трудной, так как стоявший там византийский гарнизон был усилен провансцами Раймунда, а с моря его защищала эскадра византийских судов. Танкред не атаковал город до тех пор, пока не заручился поддержкой генуэзцев, предоставивших ему корабли. За время переговоров он успел занять внутренние районы и попытался захватить Джеблу, находившуюся южнее Латакии. Летом 1100 г. Боэмунд уже направлял на захват Джеблы немногочисленный военный отряд, но затея оказалась неудачной,

а его коннетабль попал в плен. Организованный Танкредом поход, состоявшийся летом 1101 г., также закончился провалом, но заставил кади Джеблы ибн Сулайха передать город под власть атабека Дамаска. Сам он при этом отправился в Дамаск, где собирался отдохнуть на склоне дней. Атабек Тугтегин отправил в Джеблу в качестве наместника своего сына Бури. Однако тот не пользовался большой популярностью в народе, и уже через несколько дней жители Джеблы изгнали его и перешли под защиту правителей Триполи из династии Бану Аммар. Из-за этого Танкреду пришлось вывести из окрестностей Джеблы свои войска.

Когда к нему в плен попал Раймунд, у Танкреда появилась возможность вернуться к идее о захвате Латакии. Он заточил Раймунда в Антиохии, что вызвало шок у патриарха Бернарда и других крестоносцев. По их просьбе регенту пришлось освободить пленника, но прежде, чем сделать это, он заставил Раймунда поклясться, что тот больше не станет вмешиваться в события, происходящие на севере Сирии. Получив свободу, Раймунд отправился на юг и напал на Тартус. Следуя данной клятве, он, проходя через Латакию, приказал своим солдатам и графине покинуть город и следовать за ним. В итоге византийский гарнизон лишился защиты прованского войска. Затем, в самом начале весны 1102 г., Танкред подошел к Латакии. Но стены города оказались крепкими, а оставшиеся в нем солдаты сражались отчаянно. К тому же им доставляли продовольствие византийские корабли. Осада продлилась примерно год, но в самом начале 1103 г. Танкред, в распоряжении которого теперь были генуэзские корабли, способные помешать сообщению между Латакией и Кипром, прибегнув к хитрости, сумел выманить защитников города за его пределы, а когда те лишились защиты надежных стен, его солдаты напали на них и захватили в плен. В итоге Латакия сдалась на волю победителя.

Действия Танкреда не обрадовали императора Алексея. К тому времени он уже был в ярости из-за высылки из Антиохии греческого патриарха Иоанна Оксита и того, что всех греческих священнослужителей, занимавших высокие посты в церковной иерархии, заменили на латинян. В начале 1102 г. он получил письмо от короля Балдуина, услышавшего, что люди поговаривают, будто неудаче крестовых походов 1101 г. способствовало нежелание византийцев помогать крестоносцам, и просившего, чтобы император оказал ему всевозможную помощь во всех последующих крестовых походах. Письмо доставил епископ по имени Манасия, отправившийся в Палестину в 1101 г. вместе с Эккехардом и возвращавшийся домой. Оно было написано в очень вежливом стиле, и вместе с ним императору были переданы подарки.

В итоге Алексей подумал, что может быть честен с епископом, и решил рассказать ему обо всех своих горестях. Но он ошибся в этом человеке. Епископ был скорее католиком, чем православным, и не испытывал особой любви к грекам. По просьбе императора он отправился в Италию и передал папе все, что ему сказал Алексей, но использовал для этого такие слова и выражения, что сумел настроить папу против Византии. Если бы Урбан II все еще был жив, это не привело бы к каким-либо негативным последствиям, так как для него была характерна широта взглядов и он не испытывал ни малейшего желания ссориться с восточными христианами. Однако его преемник Пасхалий II был не столь выдающейся фигурой, человеком недалеким и легко поддающимся влиянию. Он с готовностью признал правильность широко распространенного среди франков мнения о том, что императора нужно считать врагом, и Алексей так ничего и не добился.

Затем Танкред попытался вмешаться в дела Иерусалимского королевства. В 1101 г. Балдуин изгнал патриарха Даимберта. Танкред тотчас же пригласил его в Антиохию и передал в его распоряжение церковь Святого Георгия. Когда через несколько месяцев после этого Балдуин потерпел поражение от сарацинов в битве при Рамле и обратился к правившим на севере князьям за помощью, Танкред ответил, что не окажет ее, если Даимберт не вернется в Иерусалим и не получит свой прежний сан. Балдуин согласился, благодаря чему Танкред сумел усилить свое влияние. Однако репутация антиохийского регента сильно пострадала, когда Даим-

берта осудили и снова изгнали. Танкред опять оказал ему гостеприимство, но больше не стал за него заступаться.

Поведение Танкреда вызывало неприязнь у его соседа – графа Эдессы Балдуина де Бура. Его отец Гуго I, граф Ретельский, был связан с Бульоном, а Балдуин, младший из его сыновей, отправился на Восток в сопровождении двоюродных братьев Готфрида Лотарингского и короля Балдуина. Когда Балдуин I стал править в Эдессе, он остался с Боэмундом и выступал в качестве посредника между двумя правителями. После пленения Боэмунда Балдуин де Бур взял на себя управление Антиохией и занимался этим до тех пор, пока графа Эдессы Балдуина не призвали в Иерусалим. Двоюродный брат пожаловал Балдуину де Буру Эдессу, в которой тот отныне мог править самостоятельно, но под сюзеренитетом Иерусалима.

Ситуация на полученной Балдуином де Буром территории складывалась не самая простая. У нее не было естественных границ, и она постоянно подвергалась вторжениям извне. Править граф Эдессы мог, только разместив гарнизоны в основных городах и замках, а для этого ему были нужны слуги и соратники, которым он мог доверять. Ввиду острой нехватки сородичей Балдуин стал делать все возможное для того, чтобы наладить отношения с местными христианами. Едва став графом Эдессы, он женился на местной княжне Морфии, младшей дочери правителя Мелитены Гавриила, армянина, принадлежавшего к православной церкви. В то же время он обратился за поддержкой к армянам, принадлежавшим к армянской апостольской церкви, и получил ее. Один из них, историк Матфей Эдесский, восхвалял добросердечие и умеренность Балдуина, хотя и с сожалением признавал наличие у него амбиций и его жадность. Граф Эдессы особо выделял и изо всех сил старался поддерживать армян, так как их можно было использовать в качестве солдат. В то же время он прекрасно относился и к тем своим подданным, которые принадлежали к сиро-яковитской церкви, и даже сумел преодолеть раскол внутри ее.

Жители Эдессы жаловались лишь на одно его качество – жадность. Он постоянно нуждался в деньгах и добывал их всеми доступными способами. Но для этого он использовал методы менее деспотичные и более осторожные, чем те, которые применял Балдуин I. Его рыцари были приятно удивлены, узнав, что он сумел вытянуть из своего тестя 30 000 безантов, заявив, будто занял эту сумму у своих людей, поклявшись, что если не сумеет ее вернуть, то сбреет бороду. Армяне, как и греки, считали бороду неотъемлемым признаком мужского достоинства и приходили в ужас, рассматривая чисто выбритые лица множества крестоносцев. Гавриил решил, что безбородый зять не лучшим образом скажется на его репутации, и, когда люди Балдуина, принявшие участие в этом спектакле, подтвердили, что их господин действительно дал такую клятву, Гавриил спешно передал ему необходимую сумму, чтобы избавить себя от подобного унижения, и заставил зятя дать новый обет – что тот больше никогда не будет использовать в клятвах свою бороду.

В начале своего правления Балдуин II был вынужден противостоять нападению Артукидов из Мардина. Эмир Сокман повел свое войско на Сарудж, населенный мусульманами город, ранее захваченный Балдуином I и переданный им в управление Фульхерию Шартрскому. Балдуин II поспешил на помощь Фульхерию, но в результате последовавшей за этим битвы потерпел поражение, а Фульхерий погиб. Мусульмане захватили город, но Бенедикт, католический епископ Эдессы, сумел удержать цитадель и противостоял врагам, пока Балдуин спешно ездил в Эдессу и собирал там новую армию. Вторая попытка оказалась более удачной для антиохийского графа. Сокмана вытеснили из города, причем он потерял большое число своих солдат. Жителей, сотрудничавших с Артукидами, перебили, а выкуп, заплаченный за многочисленных пленников, пополнил казну Балдуина.

Вскоре после этого граф обрел прекрасного помощника в лице своего двоюродного брата Жослена де Куртене. Жослен, мать которого приходилась Балдуину теткой, был бедным младшим сыном сеньора де Куртене и, возможно, отправился на Восток вместе со своим соседом

графом Невера. Когда он прибыл в Эдессу, Балдуин пожаловал ему все земли, лежавшие к западу от Евфрата, а столицей этого владения стал Турбессель. Жослен успел продемонстрировать свою храбрость, но впоследствии его преданность была поставлена под вопрос.

С течением времени Балдуин, очевидно, стал подозревать наличие у Танкреда серьезных амбиций и решил, что пора вернуть власть в Антиохии Боэмунду. Вместе с патриархом Бернардом он вступил в переговоры с эмиром из династии Данишмендидов, пытаясь уговорить его освободить Боэмунда. Танкред не принимал в этом участия. Император Алексей уже предложил эмиру заплатить за пленника огромную сумму – 260 000 безантов, и тот принял бы это предложение, если бы о нем не узнал султан из династии Сельджукидов Кылыч-Арслан. Последний, будучи правителем турок Анатолии, потребовал, чтобы Данишмендид отдал ему половину от любой суммы выкупа, полученной им за Боэмунда. Между двумя турецкими правителями вспыхнула ссора, и предложение императора не было принято, хотя послужило прекрасным поводом для того, чтобы разорвать союз между Кылыч-Арсланом и Данишмендидами. Находившийся в плену Боэмунд знал об этих переговорах. Он все еще оставался красивым и обаятельным мужчиной и не мог не привлечь к себе внимание дам, живших при дворе эмира. Возможно, с их помощью он сумел убедить эмира, что тайная договоренность с сирийскими франками и полученное от них обещание заключить союз предпочтительнее сделки с императором, в которую к тому же хотят вмешаться сельджуки. В итоге тот согласился отпустить Боэмунда на свободу за выкуп в 100 000 безантов.

Пока шли переговоры, войско Данишмендидов напало на Мелитену. Правитель этого города Гавриил, очевидно, обратился за помощью к своему зятю Балдуину. Но тот, возможно не желавший нанести в сложившейся ситуации эмиру оскорбление, ничего не сделал. Подданные Гавриила не питали к нему большой любви из-за того, что он был православным. В частности, сирийцы так и не простили его за то, что некогда он казнил одного из их епископов за измену. И сам он, и столица, в которой он правил, были захвачены, но одна из крепостей сумела выстоять. Гавриилу велели приказать гарнизону сдаться, а когда те не подчинились приказу, его казнили прямо у стен крепости.

Именно в Мелитене несколько месяцев спустя, весной 1103 г., Боэмунда передали франкам. Выкуп за него Балдуин и патриарх Бернард собрали с помощью армянского князя Василя Гоха и родственников Боэмунда, находившихся в Италии. Танкред не отдал ни гроша. Боэмунд тотчас же направился в Антиохию, где получил обратно свою власть. Он публично поблагодарил Танкреда за то, что тот управлял княжеством в его отсутствие. Однако наедине дядя и племянник поссорились, так как Танкред не понимал, почему должен передавать Боэмунду земли, завоеванные им за время регентства. Тем не менее общественное мнение заставило его отступить. В качестве награды он получил небольшой феодал, расположенный на территории княжества. Танкред на вполне законных основаниях мог бы потребовать, чтобы Балдуин I вернул ему Галилею, но решил, что оно того не стоит.

Для того чтобы отпраздновать возвращение Боэмунда, франки решились выступить против своих соседей. Летом 1103 г. Боэмунд с помощью Жослена де Куртене организовал поход на Алеппо. Они захватили Муслимие, небольшой городок к северу от Алеппо, и обложили местных мусульман огромной данью, с помощью которой собирались вернуть деньги франкам, одолжившим их Балдуину и патриарху, чтобы те выкупили Боэмунда. Затем они выступили против византийцев. Алексей, написавший Боэмунду письмо с требованием вернуть города Киликии, приказал своему полководцу Бутумиту захватить их. Но Бутумит оказался человеком, не заслуживающим доверия. Осенью 1103 г. он вошел в Киликию и понял, что поставленная задача слишком трудна для него. К тому же он узнал, что франки собираются выступить на север против Мараша, который армянин Торос удерживал от имени императора. Бутумит поспешил туда и, возможно, таким образом спас Тороса. Однако его отозвали в Константинополь. В начале следующей весны Боэмунд и Жослен выдвинулись к Марашу. Торос ничего не

мог поделаться. Византийское войско было далеко, а Данишмендиды стали союзниками франков. В итоге Торос сдал город Жослену, разрешившему ему уехать в Константинополь. Тем временем Боэмунд захватил город Эльбистан, расположенный к северу от Мараша.

Теперь у франков появилась возможность напасть на Анатолию. Они могли выступить против живших на востоке мусульман. В марте 1104 г. Боэмунд снова вторгся в земли правителя Алеппо Ридвана и захватил город Басарфут, находившийся на пути из Антиохии в Алеппо. Но нападение на Кафр-Лату, расположенную к югу, оказалось неудачным из-за сопротивления, оказанного местным племенем бану улайм. Тем временем Жослен перерезал пути сообщения между Алеппо и Евфратом. Однако для того, чтобы полностью отсечь сирийских мусульман от живших в Ираке и Персии, христиане должны были занять крепость Харран, располагавшуюся между Эдессой и Евфратом, на севере области Джезире. Франки понимали: захватив Харран, они вполне могут задуматься о походе на Мосул и в Месопотамию. Весной 1104 г. они решили, что для нападения на крепость сложились вполне благоприятные условия.

На протяжении всего 1103 г. мусульманский мир оказался разделен на два враждующих лагеря из-за гражданской войны между сельджукским султаном Баркияруком и его братом Мухаммедом. В январе 1104 г. они заключили мир, договорившись, что под властью султана останутся Багдад и западная часть Иранского нагорья. Другой их брат, Санджар, уже получил Хорасан и восточную часть Ирана, а Мухаммеду достались Северный Ирак и Джезире, а также сюзеренитет над Диярбакыром и всей Сирией. Эта договоренность оказалась не слишком удачной. Каждый из братьев надеялся, что рано или поздно ему удастся нарушить ее, а до этого все они с помощью интриг искали себе союзников среди турецких и арабских правителей. В самой Джезире из-за смерти атабека Мосула Кербоги, потерпевшего поражение от франков в битве при Антиохии, также разразилась гражданская война. Сокман, правитель Мардина из династии Артукидов, не сумел добиться получения титула атабека своим ставленником и вступил в вооруженный конфликт с Джекермишем, ставшим атабеком благодаря сельджуку Мухаммеду.

Харран принадлежал турецкому военачальнику Карадже, мамлюку, служившему Малик-шаху. Но из-за его жестокости жители восстали против него и передали власть некоему Мухаммеду из Исфахана. Того, в свою очередь, убил бывший слуга Караджи по имени Джавали, которому Мухаммед опрометчиво доверился. Но власть Джавали оказалась весьма непрочной, а Харран постоянно подвергался нападениям со стороны франков из Эдессы, разорявших поля и мешавших торговле. Было件нятно, что они собираются вскоре сделать следующий шаг.

Правитель Мардина Сокман и атабек Мосула Джекермиш были встревожены. Грозившая им обоим опасность заставила их забыть о своей ссоре и объединиться для похода против Эдессы, напасть на врагов первыми. В начале мая 1104 г. они вместе выступили в сторону Эдессы. Сокман вел за собой многочисленную легкую туркменскую конницу, а Джекермиш – меньшую по численности армию, состоявшую из турок-сельджуков, курдов и арабов. Балдуин II узнал, что они стянули войска к Рас-эль-Айну, находившемуся примерно в 70 милях (100 км) от его столицы. Понимая, что без помощи не обойтись, он отправил гонцов к Жослену и Боэмунду и предложил им тоже перейти в наступление и напасть на Харран.

Оставив в Эдессе небольшой гарнизон, Балдуин в сопровождении немногочисленного отряда рыцарей и пехоты, состоявшей из армян-рекрутов, направился в сторону Харрана. В этом походе его также сопровождал архиепископ Эдессы Бенедикт. Неподалеку от Харрана к нему присоединились Жослен, приведший с собой своих солдат, и антиохийское войско под командованием Боэмунда, Танкреда, патриарха Бернарда и бывшего иерусалимского патриарха Даимберта. Всего в армии франков насчитывалось почти 3000 рыцарей и, возможно, в три раза превосходящее их число пехотинцев. По сути, это были все вооруженные силы франков, живших в Северной Сирии, если не считать гарнизонов, оставшихся в крепостях.

Армия франков уже стояла у Харрана, а мусульманские правители все еще находились к северо-востоку от крепости, на некотором отдалении от нее, и двигались в сторону Эдессы.

Если бы франки попытались взять Харран приступом, то им удалось бы захватить его. Но они не хотели разрушать укрепления, которые надеялись в будущем использовать в собственных целях. Поэтому они решили, что сумеют устрасить гарнизон крепости и заставить его сдаться. В принципе эта мысль была не беспочвенной. Находившиеся в городе мусульмане были ослаблены и почти сразу же вступили в переговоры. Но Балдуин и Боэмунд стали спорить о том, чей штандарт должен быть установлен на крепости первым, и потеряли время, что, в свою очередь, привело к их краху. Они даже не успели договориться, когда турецкое войско вернулось на юг и атаковало франков.

Битва произошла на берегах реки Балих, неподалеку от древнего городища Карры, где за несколько столетий до этого Красс и римские легионеры потерпели сокрушительное поражение от парфян и погибли. Согласно плану сражения, разработанному франками, армия Эдессы, расположенная на левом фланге, должна была взять на себя основные силы противника, в то время как антиохийскому войску следовало укрыться за невысоким холмом, находившимся правее, примерно в миле от поля сражения, и вмешаться в бой в решающий момент. Но мусульмане решили придерживаться такой же тактики. Часть их армии напала на левый фланг франков, а затем внезапно обратилась в бегство. Солдаты из Эдессы решили, будто им удалось без особого труда одержать победу над врагом, и погнались за отступающими турками, потеряв таким образом связь со своими собратьями, оставшимися справа. Они форсировали реку и попали в засаду, подготовленную основными силами турок. Многие франки погибли на месте, остальные повернули назад и бежали. Когда Боэмунд, командовавший небольшим отрядом, решил вступить в битву, он увидел лишь, как вдалеке в его сторону бежит толпа охваченных ужасом людей. Они пытались переплыть реку в обратном направлении, но на них нападали новые отряды турок. Боэмунд понял, что битва проиграна, и быстро покинул поле боя, успев спасти лишь нескольких солдат из Эдессы.

Когда солдаты двигались мимо ворот Харрана, на них напали мусульмане из гарнизона крепости и из-за царившей вокруг неразберихи перебили столько же турок, сколько и франков, которых те преследовали. Армии из Антиохии удалось покинуть поле боя без серьезных потерь. Войску Эдессы повезло меньше – почти все солдаты были захвачены в плен или убиты. Патриарха Бернарда охватил такой ужас, что он отрезал хвост своей лошади, опасаясь, как бы какой-нибудь турок не поймал его таким образом, хотя к тому времени враг уже пропал из вида.

Одним из первых франков, захваченных в плен, стал архиепископ Бенедикт. Однако благодаря то ли уступке со стороны поймавшего его человека, прежде бывшего христианином, то ли контратаке, предпринятой антиохийцами, его почти сразу спасли. Балдуин и Жослен бежали на одной лошади, но, когда они пытались переплыть реку, их захватили в плен. Затем их привели в палатку Сокмана.

Вполне обоснованно опасаясь того, что теперь турки нападут на Эдессу, Боэмунд и Танкред стали спешно организовывать оборону города. И снова бедственное положение соратника оказалось выгодно Танкреду. Оставшиеся в Эдессе рыцари во главе с архиепископом стали умолять его взять на себя управление графством до тех пор, пока Балдуина не освободят из плена. Танкред с радостью согласился, а Боэмунд, как и Балдуин I за четыре года до этого, с облегчением отпустил племянника. Танкред вместе с остатками войска Эдессы и солдатами, которых ему сумел выделить Боэмунд, готовился защищать графство. Сам Боэмунд направился обратно в Антиохию, понимая, что соседи не упустят возможности воспользоваться неудачей франков.

Битва при Харране стала дополнением к крестовому походу 1101 г., так как они способствовали крушению легенды о непобедимости франков. Вследствие поражения 1101 г. жившие в Северной Сирии франки лишились пополнения с Запада, необходимого для сохранения

господства в регионе, а поражение при Харране свидетельствовало о том, что графство Эдесса обречено, а Алеппо никогда не перейдет франкам.

Клин, с помощью которого франки планировали разделить три исламских центра в Анатолии, Ираке и Сирии, оказался вбит ненадежно. И выгоду от этого получили не только мусульмане. Разъяренный византийский император вряд ли жалел о крушении планов франков.

Непосредственные последствия всех этих событий оказались не настолько фатальными. Союз между Сокманом и Джекермишем распался почти сразу после того, как они одержали победу. Туркмены, солдаты первого из них, получили львиную долю пленников и добычи, что не могло не вызывать зависть второго. Служившие у него сельджуки напали на палатку Сокмана и увели Балдуина. Туркмены пришли в ярость, но Сокман взял себя в руки и сделал все возможное, чтобы не позволить им нанести ответный удар. Он смирился с потерей ценного пленника и, захватив с помощью простой уловки – Сокман переодел своих солдат в одежду пленных и убитых франков – несколько небольших приграничных крепостей христиан, отошел к Мардину и больше не принимал участия в войне. Джекермиш продолжил сражаться. Первым делом он, чтобы обезопасить себя от Сокмана, захватил замки франков в Шахбактане, что к востоку от Эдессы, а затем выдвинулся к столице.

Благодаря неспешности франков мусульманам удалось сохранить за собой Харран. Теперь же из-за промедления, допущенного приверженцами ислама, христиане сохранили контроль над Эдессой. Танкред получил отсрочку, позволившую ему восстановить оборонительные сооружения города и противостоять первому нападению армии Джекермиша, в чем ему также во многом помогли верность и отвага, проявленные местными армянами. Однако угроза, исходившая от противника, была настолько сильной, что он спешно отправил к Боэмунду гонца с просьбой о помощи. Тот был занят решением собственных проблем, но понимал, что избавление Эдессы от угрозы является делом первостепенной важности. Он тотчас же отправился на помощь племяннику, но из-за плохого состояния дорог войско Боэмунда продвигалось медленно. Охваченный отчаянием Танкред приказал своему гарнизону совершить перед рассветом вылазку в стан врага. Под прикрытием темноты его люди напали на ничего не подозревающих спящих турок, а прибытие Боэмунда и его солдат довершило победу. Джекермиш спешно бежал, покинув лагерь и все хранившиеся там сокровища. Христианам удалось отомстить за поражение в битве при Харране, с одной стороны, и защитить Эдессу – с другой.

Среди тех, кто попал в плен к Танкреду, оказалась девушка очень знатного происхождения, жившая при дворе сельджукского эмира. Джекермиш высоко оценил эту пленницу и предложил противнику заплатить за ее свободу 15 000 безантов или обменять ее на самого графа Балдуина. Когда об этом предложении стало известно в Иерусалиме, король Балдуин поспешно отправил Боэмунду письмо с просьбой не упустить такую прекрасную возможность освободить графа. Однако Боэмунду и Танкреду нужны были деньги, а после возвращения Балдуина последнему пришлось бы снова расстаться с властью и подчиниться дяде. В итоге дядя и племянник ответили, что, с одной стороны, слишком быстро принимать предложение, продемонстрировав при этом свою заинтересованность, не стоит, а с другой, если они будут долго колебаться, Джекермиш может повысить цену. Тем временем они ответили эмиру, что предпочитают получить деньги, и в итоге Балдуин остался в плену.

Обогатившиеся таким образом за счет свободы своего товарища Боэмунд и Танкред решили разобраться с окружавшими их врагами. Джекермиш больше не пытался нападать на Эдессу, и Танкред сумел восстановить оборонительные сооружения города. Но Боэмунду почти сразу же пришлось вступить в конфликт с правителем Алеппо Ридваном, вторгшимся в восточные области его княжества. В июне армяне, жившие в Артахе и мечтавшие избавиться от власти Антиохии, сдали свой город мусульманам. Вскоре их примеру последовали приграничные города Мааррат, Мисрин и Сарман, а небольшие франкские гарнизоны, расквартированные в Мааррат-эн-Нуумане, Аль-Баре и Кафр-Табе, опасаясь того, что их вот-вот окружат,

отступили к Антиохии. Тем временем Ридван разорял области княжества, расположенные за Железным мостом. Стоявший далеко на севере, в Эльбистане, гарнизон Боэмунда держался только благодаря тому, что им удалось захватить в плен предводителей местных армян, вступивших в сговор с турками. От угрозы уничтожения княжество Боэмунда спасло то, что в конце июня 1104 г. умер правитель Дамаска Дукак и Ридван был вынужден переключить свое внимание на борьбу за власть, которую вели два сына Дукака – Бури и Илташ.

К неспособности Боэмунда противостоять натиску Ридвана привело то, что все его внимание было приковано к событиям, происходившим в Византии. Император Алексей теперь поддерживал прекрасные отношения с правителями франкских государств, находившихся на юге. Раймунд Тулузский оставался его близким другом. К тому же император сумел добиться расположения короля Балдуина, заплатив выкуп за многих высокопоставленных франков, живших в качестве пленников в Египте. Его щедрость была обусловлена тонким расчетом. Поведение Алексея разительно отличалось от действий Боэмунда и Танкреда, оставивших правителя Эдессы Балдуина гнить в плену, и заставило франков вспомнить, что император является человеком влиятельным и пользуется уважением Фатимидов. Поэтому когда Алексей выступил против Антиохии, ее правитель не получил помощи от сородичей.

Император успел усилить крепости в Корикосе и Селевкий, расположенных в Киликии, на побережье, чтобы не позволить антиохийцам напасть на Западную Киликию. Летом 1104 г. византийское войско, которым командовал полководец Монастра, без труда заняло Тарс, Адану и Мамистру – города, находившиеся на востоке Киликии, а эскадра кораблей под командованием адмирала Кантакузина, оказавшаяся в районе Кипра во время погони за генуэзскими кораблями, воспользовавшись положением, в котором оказался Боэмунд, направилась в Латакию, гавань и нижний город которой захватили его люди. Боэмунд, возглавив войско франков, в которое вошли все солдаты, что ему удалось собрать, поспешил на помощь гарнизону цитадели. Кроме того, он собирался заменить командира крепости, не пользовавшегося его доверием. Однако ввиду отсутствия кораблей он не пытался отеснить византийцев с занятых ими позиций.

В начале осени Боэмунда охватило отчаяние. В сентябре он собрал в Антиохии своих вассалов, призвал Танкреда и провел военный совет, во время которого честно рассказал всем собравшимся об опасности, грозившей княжеству. Единственным решением проблемы, по его мнению, было прибытие подкрепления из Европы, которое следовало обеспечить. Он собирался отправиться во Францию и воспользоваться своей репутацией, чтобы набрать людей. Танкред почтительно предложил взять это дело на себя, но Боэмунд возразил, что его племянник не пользуется на Западе достаточным для выполнения этой задачи авторитетом и поэтому должен остаться в Антиохии в качестве регента. Вскоре были сделаны все необходимые для отъезда Боэмунда приготовления. Поздней осенью он отплыл из порта Святой Симеон, захватив с собой все золото и серебро, украшения и ценности, которые сумел найти, а также несколько списков *Gesta Francorum*, созданной неизвестным автором хроники Первого крестового похода, повествующей о связанных с ним событиях с точки зрения норманнов. В текст этих списков Боэмунд приказал включить фрагмент, согласно которому передать под его власть Антиохию обещал сам император.

Танкред снова стал править в Антиохии, в то же время дав клятву, что вернет Эдессу Балдуину, как только тот окажется на свободе. Понимая, что не сможет эффективно управлять Эдессой, находясь в Антиохии, он приказал своему двоюродному брату и зятю Ричарду Салернскому управлять от его имени территориями, расположенными на берегах Евфрата.

В самом начале нового года Боэмунд достиг своих владений в Апулии. Он оставался там до сентября, занимаясь собственными делами, которых за девять лет его отсутствия накопилось немало, и собирая норманнов, готовых присоединиться к своим сородичам, жившим на Востоке. Затем Боэмунд отправился в Рим, где встретился с папой Пасхалием. Во время

беседы он подчеркнул, что императора Алексея следует считать злейшим врагом католиков, живущих на Востоке. Из-за слов епископа Манассии Пасхалий уже был настроен против императора и с готовностью согласился с Боэмундом. Затем последний в сопровождении папского легата Бруно, который, по приказу Пасхалия, должен был призывать к священной войне против Византии, отправился во Францию. Это стало переломным моментом в истории крестовых походов. Политика норманнов, направленная на то, чтобы лишить восточную империю ее мощи, стала частью официальной идеологии крестоносцев. Таким образом, интересы франкских искателей приключений вышли на первый план, отодвинув на задний план интересы всего христианского мира в целом. Позже папа пожалеет о своей недалекости, но будет уже слишком поздно.

Неприязнь западных рыцарей и простых обывателей к императору, вызванная его высокомерием, зависть к его богатству и подозрения, которые у европейцев вызывали христиане, придерживающиеся не понятного для них ритуала, – все это теперь получило официальную поддержку со стороны церкви. Начиная с этого момента, каждый раз выступая против Византии, они чувствовали свою правоту, причем на это уже никак не повлияло бы изменение взглядов папы. Вместе с тем византийцы выяснили, что их худшие опасения оправдались. Крестовый поход, который вдохновил папа, оказался продиктован не стремлением европейцев помочь христианам, а бессовестными захватническими планами. Эта злосчастная договоренность между Боэмундом и папой Пасхалием сделала для разделения восточной и западной христианских церквей намного больше, чем все разногласия между кардиналом Гумбертом и Михаилом Керуларием.

Во Франции Боэмунда приняли очень тепло. Он провел какое-то время при дворе короля Филиппа, давшего ему разрешение набрать на территории государства людей, готовых отправиться на Восток. Кроме того, Боэмунд получил поддержку «истинной жены крестоносца» графини Блуа Адель Нормандской. Женщина не только представила его своему брату – английскому королю Генриху I, с которым он встретился в Нормандии на Пасху 1106 г. и который обещал ему всестороннюю поддержку, но и помогла заключить весьма впечатляющий брачный союз с дочерью короля Филиппа Констанцией, графиней Шампанской, успевшей до этого развестись со своим мужем. Свадьба состоялась в конце весны 1106 г. Тогда же король Филипп согласился отдать Танкреду руку своей младшей дочери Сесилии, рожденной в незаконном союзе с Бертрадой де Монфор. Констанция никогда не бывала на Востоке – она жила вместе с мужем в Италии, где и осталась после его смерти. Сесилия, в свою очередь, в конце 1106 г. отправилась на корабле в Антиохию. Благодаря этим бракам с представительницами королевского рода норманнские властители стали пользоваться еще большим влиянием.

Боэмунд оставался во Франции до конца 1106 г., а затем вернулся в Апулию. Там он стал планировать новый крестовый поход, который обязательно должен был начаться с нападения на Византийскую империю. Узнав, что, пока в ней правит Танкред, Антиохия не подвергается непосредственной угрозе, он решил не торопиться с возвращением. Его войско высадилось на принадлежавшем империи побережье Эпира, в Авлоне, 9 октября 1107 г., а через четыре дня оно подошло к Диррахии, превосходно укрепленной крепости, считавшейся ключом к Балканскому полуострову, заполучить который норманны жаждали уже давно, причем за четверть столетия до этого им это удалось, хотя и ненадолго. Однако Алексей тоже не терял время даром. Ради спасения Диррахии он готов был пожертвовать юго-восточной границей империи и заключил союз с сельджукским султаном Кылыч-Арсланом, предоставившим ему наемников.

Увидев, что крепость слишком хорошо защищена, а ее гарнизон готов сражаться до последней капли крови, Боэмунд отказался от мысли взять ее приступом и решил на осаду. Но как и во всех предшествовавших этому конфликтах с Византией, его подвела нехватка кораблей. Византийский флот почти сразу же лишил его путей сообщения с Италией и блокировал побережье. Затем, в начале следующей весны, войско Боэмунда было окружено визан-

тийской армией. С началом лета в стане норманнов разразились эпидемии дизентерии и малярии, солдаты страдали от голода. Все это не могло не ослабить осаждающих. Одновременно Алексей вел информационную войну, распуская слухи и посылая предводителям норманнов поддельные письма. (Надо сказать, что его дочь Анна описывала эти его действия с любовью и восхищением.) К сентябрю Боэмунд понял, что его карта бита, и сдался на волю императора. Данная победа оказалась весьма значимой для византийцев, ибо Боэмунд считался самым прославленным христианским воителем. Когда все увидели, как этот великий герой, бывший гораздо выше императора, умоляет его и послушно выполняет его приказы, Византия снова стала казаться современникам непобедимой.

Алексей принял Боэмунда в своем лагере, разбитом рядом с местом, где река Деволи втекает в ущелье. Император вел себя учтиво, но холодно и не стал тянуть время, выложив перед Боэмундом мирный договор, который тот должен был подписать. Боэмунд замешкался, но Никифор Вриенний, муж Анны Комнины, входивший в свиту тестя, убедил норманна в том, что у него нет другого выхода.

Анна Комнина включила полный текст договора в свое сочинение, благодаря чему он сохранился до нашего времени. В нем Боэмунд сначала раскаивался в том, что нарушил клятву, данную императору. Затем он торжественно клялся стать вассалом и подданным Алексея и его наследника Иоанна Багрянородного и обещал, что прикажет своим людям дать такую же клятву. Возможно, использование характерного для Западной Европы термина «вассал» не было ошибочным; в тексте также перечислялись обязанности вассала. Боэмунд оставался князем Антиохии, но управлять ею мог только под сюзеренитетом императора. Территория его княжества должна была включать в себя саму Антиохию и порт Святой Симеон, а также области, расположенные к северо-востоку, вплоть до Мараша. К ней также относились земли, которые Боэмунд, возможно, отвоюет у мусульманских правителей Алеппо и у других государств, расположенных во внутренней части Сирии. Однако города Киликии и побережье в районе Латакии следовало вернуть под непосредственную власть императора, а земли, находившиеся под властью Рубенидов, должны были остаться неприкосновенными. Договор сопровождался приложением, содержащим подробный перечень городов, которые должны были стать частью владений Боэмунда. Он наделялся всей полнотой светской власти в княжестве, но обязался сместить с престола латинского патриарха и заменить его греком. Отдельно в договоре отмечалось, что, если Танкред или кто-то другой из людей Боэмунда откажется выполнять перечисленные в нем условия, последний обязан будет заставить упряма подчиниться.

Договор, заключенный на берегу реки Деволи, представляет для нас значительный интерес, так как в нем содержится ответ на вопрос о том, каким образом Алексей собирался решить проблему крестовых походов. Он был готов оставить приграничные области и даже Антиохию во власти западноевропейского князя, но при условии, что тот будет связан с ним сюзеренно-вассальными отношениями в соответствии с принятым на его родине обычаем и Византия сохранит косвенное влияние на ситуацию в этих районах посредством церкви. К тому же Алексей чувствовал свою ответственность за благосостояние восточных христиан и даже решил обезопасить права своих ненадежных армянских вассалов Рубенидов.

Договор существовал только на бумаге. Но само его наличие сломало Боэмунда, больше не осмеливавшегося появиться на Востоке. Униженный и опозоренный, он вернулся в свои владения в Апулии, где в 1111 г. и умер в неизвестности, оставив после себя двоих маленьких сыновей, рожденных от брака с дочерью французского короля, которые должны были унаследовать его права на Антиохию. Боэмунд был прекрасным солдатом, смелым и коварным полководцем и настоящим героем для своих последователей. Воистину он, будучи выдающейся личностью, сумел затмить всех прочих участников Первого крестового похода. Но размах его амбиций и его беспринципность привели его к краху. Время, когда у крестоносцев появится возможность разрушить оплот восточного христианства, еще не наступило.

Алексей прекрасно понимал, что для реализации договора необходимо согласие Танкреда. Однако тот, ничуть не расстроенный из-за того, что его дяде пришлось отойти от дел, не собиравшись становиться вассалом императора. У него не было таких обширных амбиций, как те, что сгубили Боэмунда, но он стремился сделать Антиохию сильным и независимым княжеством. Правда, перспективы для этого были далеко не радужными. Боэмунд оставил ему лишь горстку людей и почти совсем не оставил денег. Тем не менее Танкред решил перейти в наступление. Он заставил антиохийских купцов предоставить ему заем, что позволило ему завербовать наемников. Кроме того, он призвал на помощь всех рыцарей и всадников, живших в Эдессе и Турбесселе, а также на территории княжества. Весной 1105 г. он отправился в поход, намереваясь вернуть Артах.

Правитель Алеппо Ридван собирался прийти на помощь представителям династии Бану Аммар, которые боролись с франками дальше к югу, но, услышав о приближении Танкреда к Артаху, он решил вернуться, чтобы защитить город. Два войска встретились друг с другом 20 апреля возле деревни Тизин, расположенной неподалеку от Артаха, на пустынной равнине, заваленной булыжниками. Испугавшись многочисленности противника, Танкред предложил Ридвану вступить в переговоры, и тот согласился бы, если бы Сабава, командовавший его конницей, не убедил его в необходимости не мешкая напасть на противника. Физические особенности местности не позволили туркам использовать привычную для них тактику. Когда франки отбили первую атаку их конницы, они отступили, чтобы заманить противника в ловушку, но не смогли перегруппироваться для нового нападения, из-за чего франкские рыцари сумели расправиться с пехотой турок. Поняв, что их планы рушатся, мусульмане поддались панике. Ридван в сопровождении телохранителя бросился к Алеппо, стремясь спастись бегством, и за ним последовала большая часть конницы. Оставшиеся всадники и пехотинцы были жестоко перебиты на поле боя.

Победа позволила Танкреду снова занять все территории, потерянные княжеством за год до этого. Гарнизон сельджуков сдал ему Артах, в то время как воины регента преследовали беглецов до самых стен Алеппо и ограбили множество его жителей, в ужасе бежавших прочь из города. Ридван стал умолять Танкреда заключить с ним мир. Он согласился расстаться со всеми территориями в долине реки Оронт и регулярно платить Танкреду дань. К концу 1105 г. владения племянника Боэмунда снова простирались до Аль-Бары и Мааррат-эн-Нуумана.

В феврале 1106 г. эмира Апаimei Халафа ибн Мутаиба, враждебно относившегося к франкам, убили фанатики из Алеппо. После этого убийцы поссорились со своим главным союзником в Апаmee Абул Фатхом, взявшим на себя управление городом, и обратились за помощью к Ридвану. Призванный местными армянами Танкред решил, что у него появился шанс вмешаться в эти события. Вместе со своим войском он выступил на юг и взял город в осаду. Но Абул Фатх сумел восстановить порядок, а эмиры Шайзара и Хамы обещали ему помощь. После трехнедельной осады Танкред был вынужден отступить, объяснив свой поступок тем, что ему необходимо помочь гарнизону Латакии, которому после 18-месячной блокады, организованной византийцами, стал угрожать голод. Он передал гарнизону продовольствие и вернулся в Антиохию.

Через несколько месяцев в Антиохию в сопровождении сотни последователей прибыл один из сыновей Халафа, Мусбих ибн Мулаиб, сумевший избежать судьбы своего отца и надевшийся убедить Танкреда снова выступить в поход против Апаimei. С помощью Мусбиха Танкред снова осадил город, выкопав вокруг него ров, не позволявший никому выйти из Апаimei или войти в нее. Ни один из эмиров, правивших по соседству, не пришел на помощь Абул Фатху, и через несколько недель, 14 сентября 1106 г., мусульмане сдались, предварительно взяв с Танкреда обещание, что он пощадит осажденных. Танкред согласился и вошел в город. Для того чтобы угодить Мусбиху, он приказал казнить Абул Фатха и троих его приближенных. Остальных представителей апаimeiской знати отправили в Антиохию, где они находились

в плену до тех пор, пока Ридван не заплатил за них выкуп. В Апамее теперь стал править франкский наместник, а Мусбиху пожаловали во владение земли, расположенные неподалеку. Вскоре после этого франки заняли Кафр-Таб. Управлять им теперь должен был рыцарь по имени Теофил, одно имя которого вскоре стало наводить ужас на мусульман Шайзара.

Обезопасив таким образом восточную и южную границы, Танкред мог вспомнить о Византии, противнике, вызывавшем в нем наиболее острое чувство ненависти. Летом 1107 г., когда стало понятно, что предотвратить нападение Боэмунда на южные части империи невозможно, Алексей был вынужден отвести войска от сирийской границы, перенаправив их на борьбу с угрозой, казавшейся на тот момент более серьезной. Кантакузина и многих его подчиненных отозвали из Латакии, а Монастру – из Киликии, управление которой передали армянскому князю Ламброн Ошину. Зимой 1108 г. (или в самом начале 1109 г.), вскоре после унижительного поражения Боэмунда в Эпире, Танкред вторгся в Киликию. На этот раз император, умевший разбираться в людях, ошибся. Ошин происходил из очень знатного рода, а в юности успел прославиться как человек исключительной храбрости. Но теперь он превратился в ленивого любителя роскоши. Ключом к Киликии служила крепость Мамистра, расположенная на берегу реки Сейхан. Когда войско Танкреда перешло через горный хребет Аманус и проплыло вверх по течению реки, собираясь осадить крепость, Ошин не сделал ничего для того, чтобы помешать противнику. После непродолжительной осады Мамистра пала. Очевидно, на протяжении следующих месяцев Танкред восстанавливал свою власть над Аданой и Тарсом, в то время как западная часть Киликии оставалась в руках византийцев. Сам Ошин вернулся в свои владения в горах Тавра.

Латакия находилась под властью Византии. Прежде норманнам мешал недостаток кораблей, но теперь византийский флот был сосредоточен далеко в Адриатическом море, и у Танкреда появилась возможность обратиться за помощью к пизанцам. В качестве вознаграждения за эту услугу жители Пизы попросили улицу в Антиохии и квартал в Латакии с церковью и складом. Пецей, сменивший Кантакузина в качестве командира расквартированных там войск, не сумел оказать сопротивление Танкреду. В итоге весной 1108 г. Латакия наконец вошла в состав Антиохийского княжества. На протяжении следующего года Танкред расширил свои владения на юге, захватив Джеблу, Балемию (Банияс) и замок Маркаба, прежде находившиеся под властью династии Бану Аммар.

Таким образом, в тот момент, когда Боэмунд сдался императору и, подписав договор, лишился независимости, Танкред подбирался к вершине своего могущества и не собирался подчиняться указам императора. Теперь его власть распространялась на территорию, простиравшуюся от Тавра до Джебзире и центральной части Сирии. Он был правителем Антиохии и Эдессы. Конечно, формально он оставался только их регентом, но опозоренный князь Боэмунд теперь жил в Италии, и ему уже не было суждено вернуться на Восток, а граф Балдуин томился в плену у турок, и Танкред даже не пытался вызволить его. Владелец Алеппо был фактически его вассалом, и ни один из правивших по соседству эмиров не осмеливался напасть на него. К тому же он одержал сокрушительную победу над наследником константинопольских кесарей. Когда в Антиохию прибыли посланники императора, которые должны были напомнить Танкреду об обещаниях, данных его дядей Алексею, он выгнал их, не скрывая при этом своего высокомерия. Он считал себя великим ассирийцем Нином, огромным и непобедимым гигантом.

Однако и у высокомерия есть пределы. Несмотря на все выдающиеся способности Танкреда, он не вызывал симпатии или доверия. В итоге вызов ему бросили его собственные сородичи – крестоносцы.

Глава 4. Тулуза и Триполи

*Слава Ливана придет к тебе...
Книга пророка Исаии, 60: 13*

Самым богатым и именитым из всех представителей знати, отправившихся в 1096 г. в Первый крестовый поход, был граф Тулузы Раймунд. Многие ждали, что именно он станет предводителем похода. Однако через пять лет он превратился в одного из наименее уважаемых крестоносцев, причем виноват в своих проблемах он был сам. Он был столь же жадным и амбициозным, как и большинство его соратников, но из-за его чрезмерного тщеславия все окружающие сразу же замечали промахи Раймунда. Его верность императору Алексею зиждилась на чувстве чести и политической прозорливости, но его собратья-франки видели в ней уловку вероломного человека. К тому же она не принесла ему какую-либо значительную выгоду, так как император вскоре увидел в нем не самого подходящего друга. Последователи Раймунда уважали его за благочестие, но он не пользовался у них авторитетом. Во время Первого крестового похода они вынудили его отказаться от руководства походом на Иерусалим, а поражения 1101 г. продемонстрировали, насколько плохо он подходит для того, чтобы возглавить военную операцию. Самым унижительным за всю жизнь Раймунда стал момент, когда он был захвачен в плен своим младшим «коллегой» Танкредом. Хотя поведение последнего, нарушившего законы гостеприимства и чести, вызвало возмущение сородичей, Раймунд обрел свободу только после того, как отказался от любых притязаний на Северную Сирию, нарушив таким образом договоренность с императором. Однако он был человеком упорным. Раймунд поклялся остаться на Востоке. Он собирался исполнить эту клятву и заполучить в конце концов собственное княжество.

Для того чтобы сохранить свои владения на Востоке, христиане должны были завоевать еще одну область. Франков, живших в Антиохии и Эдессе, от их иерусалимских собратьев отделяло несколько государств, власть в которых принадлежала мусульманским эмирам. Наиболее значимым из этих эмиратов было Триполи, которым правили представители династии Бану Аммар. Ее глава Фахр аль-Мульк Абу Али был человеком миролюбивым. Он располагал совсем небольшим войском, но область, которой он правил, была весьма богатой, а с помощью умелой, хотя и не всегда последовательной политики умиротворения всех соседей он смог сохранить шаткую независимость, последней гарантией которой была хорошо укрепленная столица его владений, расположенная на полуострове Аль-Мина. Он всегда проявлял дружелюбие в отношении франков, когда бы те ни приближались к его владениям. Он пополнял запасы продовольствия участников Первого крестового похода и не стал мешать его предводителям, когда они осадили город Арку. Он помог Балдуину Булонскому, когда тот отправился в полное опасностей путешествие, целью которого была корона Иерусалима. Однако когда крестоносцы отошли на приличное расстояние, Фахр аль-Мульк захватил Тартус и Мараклею, которые они занимали до этого. Таким образом он получил контроль над всей шедшей вдоль побережья дорогой из Латакии и Джеблы в находившийся в зависимости от Фатимидов Бейрут.

Альтернативный путь из Северной Сирии в Палестину пролегал по долине реки Оронт мимо принадлежавшего Мункизидам Шайзара, Хамы, жители которой принесли клятву верности Ридвану, и Хомса, где правил его отчим Джанах ад-Даула. Затем дорога разделялась на две части. Одна из них, которую выбрал Раймунд во время Первого крестового похода, разветвлялась в районе Аль-Букайи и шла в сторону Триполи и побережья. Вторая шла прямо через находившийся в зависимости от Дамаска Баальбек к верховьям Иордана.

Раймунд, никогда не страдавший от излишней скромности, размышлял над созданием княжества, на территории которого должны были, по его мнению, оказаться одновременно

прибрежная дорога и река Оронт вместе с расположенным на его берегах Хомсом, который франки называли La Chamelle, Верблюдицей. Однако его первой целью, возможно, вследствие наличия генуэзских кораблей, способных помочь ему в этом, стали города, стоявшие на побережье. В последние дни 1101 г., когда Танкред освободил его, Раймунд вместе с выжившими предводителями крестового похода 1101 г.: Стефаном Блуаским, Гильомом Аквитанским и Вельфом Баварским, а также с их соратниками (все они стремились завершить свое паломничество в Иерусалим) выступил из Антиохии.

В Латакии он воссоединился с женой и войском и вместе с ними направился к Тартусу. Когда Раймунд подошел к городским стенам, генуэзские корабли, на помощь которых он очень рассчитывал, бросили якорь неподалеку от берега. Наместнику Тартуса было нечего противопоставить этой двойной угрозе. В итоге примерно в середине февраля Раймунд вошел в Тартус. Все крестоносцы, сопровождавшие его в этом путешествии, сошлись на том, что город должен достаться ему, но предложили ему проводить их до Иерусалима. Услышав его отказ, они разошлись и, по словам Фульхерия Шартрского, стали возводить на него хулу. Однако Раймунд решил, что Тартус должен стать центром его будущих владений. В итоге остальные крестоносцы покинули его и отправились дальше на юг.

Раймунд не держал свои планы в тайне, и мусульманские правители были начеку. Фахр аль-Мульк направил предупреждение эмирам Хомса и правителю Дамаска Дукаку. Но когда Раймунд дошел до Триполи, его противники увидели, что его войско состоит из немногим более чем 300 человек, и решили, что настало время нанести ему сокрушительный удар. Дукак спешно предоставил 2000 всадников, Джанах ад-Даула – еще столько же, а Бану Аммар привели всю свою армию. Все войско мусульман, выстроившееся на равнине у городских стен, превышало по численности армию Раймунда в двадцать раз.

Средневековые авторы, писавшие об истории крестовых походов, не уделили достаточного внимания деяниям Раймунда. Об удивительной битве, последовавшей за этим, мы узнаем из сочинения арабского историка Ибн аль-Асира. Раймунд выставил сотню своих солдат против воинов из Дамаска, сотню – против солдат Бану Аммар, пятьдесят – против отряда из Хомса, а оставшихся пятьдесят человек назначил своими телохранителями. Солдаты из Хомса атаковали первыми, но, когда их атака захлебнулась, их внезапно охватила паника, которой быстро заразились воины из Дамаска. Солдаты из Триполи оказались более удачливыми, но Раймунд, увидев, что другие противники обратились в бегство, направил все свои силы на их преследование. Это шокировало воинов из Триполи, и они также обратились в бегство. Затем по полю боя пронеслась франкская конница – всадники убивали всех мусульман, которые не успевали убежать. Арабский историк посчитал, что в этой битве погибло 7000 его единоверцев.

Эта победа не только позволила Раймунду восстановить пошатнувшуюся репутацию, но и обеспечила дальнейшее существование его владений в Ливане. Мусульмане больше не рисковали нападать на него. Однако имевшихся в распоряжении Раймунда ресурсов было недостаточно для того, чтобы захватить Триполи с его масштабными оборонительными сооружениями на полуострове Аль-Мина. Потребовав крупную дань деньгами и лошадьми, он вернулся в Тартус и стал планировать новый поход.

В течение нескольких последующих месяцев Раймунд укреплял свою власть в окрестностях Тартуса, а затем, весной 1103 г., он выдвинулся в поход, надеясь захватить Букайю, что было необходимым шагом для того, чтобы изолировать Триполи и одновременно выйти к Оронту. Предпринятая им попытка заставить врасплох крепость Тубан, расположенную у северо-восточного входа в долину, не удалась. Однако, проявив бесстрашие, он двинулся дальше, собираясь осадить Калат-аль-Хосн, огромный замок, господствовавший над всей равниной, который войско Раймунда в 1099 г. занимало в течение недели. Эти замки принадлежали правителю Хомса Джанах ад-Даула, который не мог позволить себе лишиться их. Он уже собрал армию, которая должна была отправиться на их защиту. Но на выходе из главной мечети Хомса,

где он молился о победе, Джанах ад-Даула погиб от рук троих убийц. Его гибель вызвала в городе беспорядки. Раймунд тотчас же снял с Калат-аль-Хосн осаду и направился на восток, собираясь извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Жители города считали, что за убийством Джанах ад-Даула стоит Ридван, так и не простивший его за то, что за три года до этого, когда правитель Алеппо готовился к борьбе с антиохийскими франками, Джанах напал на него. Однако вдова Джанаха, приходившаяся Ридвану матерью, пришла в ужас от новости о приближении Раймунда и послала в Алеппо гонца с просьбой к Ридвану взять город под свое покровительство. Советники Джанаха не поддержали ее решение и обратились за помощью к правителю Дамаска Дукаку. Дукак спешно отправился на север в сопровождении своего атабека Тугтегина, взял бразды правления Хомсом в свои руки и отдал их Тугтегину. Раймунд находился не в том положении, чтобы бросать ему вызов, и был вынужден отступить к побережью.

Вернувшись в Тартус, Раймунд узнал, что в порт Латакии вошла генуэзская эскадра, состоявшая из сорока судов, и сразу же нанял ее, решив, что эти суда помогут ему снова атаковать Триполи. Однако эта кампания провалилась, и союзники двинулись на юг, где захватили порт Джебейль, или Гебал, носивший в древности название Библ. В качестве вознаграждения генуэзцы получили треть города. Однако Раймунд хотел захватить Триполи. В последние месяцы 1103 г. он разбил лагерь неподалеку от этого города и начал строительство огромного замка на горном кряже, расположенном примерно в 3 милях (5 км) от морского побережья. Незадолго до этого Раймунд, стремясь вернуть расположение византийцев, пытался вытеснить Танкред из Латакии. В благодарность за это они доставили ему с Кипра необходимые строительные материалы и прислали умелых каменщиков. К весне 1104 г. строительство было завершено, и Раймунд обрел новую резиденцию. Он назвал ее Крепостью пилигрима, но среди арабов она стала известна как Калат-Санджиль, замок Сен-Жиля.

Теперь Триполи оказался в состоянии постоянной осады, но не сдавался. Раймунд контролировал пути, шедшие к городу с суши, но ему недоставало кораблей, способных перекрыть доступ к городу с моря. Благодаря своим баснословным богатствам представители династии Бану Аммар могли себе позволить содержать многочисленный торговый флот, доставлявший в город продовольствие из египетских портов, расположенных на юге. Однако замок, построенный Раймундом, угрожал их свободе. В конце лета они приказали совершить вылазку, во время которой территория вокруг его стен была предана огню. Сам Раймунд также был ранен – на него упала горящая крыша. В начале следующей весны Фахр аль-Мульк был вынужден заключить с христианами перемирие и отдать им часть пригородов. Едва завершились переговоры, как Раймунд, так и не оправившийся от ожогов, полученных им за шесть месяцев до этого, был прикован к постели смертельной болезнью и 28 февраля 1105 г. умер в Крепости пилигрима. Доблестные деяния, совершенные им в последние годы жизни, способствовали восстановлению его репутации. Смерть Раймунда, которого стали считать одним из величайших христианских рыцарей, отказавшимся от наслаждений, которым он мог бы предаваться в родной земле, ради тягот священной войны.

Это уважение было вполне заслуженным, ибо, в отличие от других крестоносцев, поселившихся на Востоке и не обладавших значительными доходами на родине, Раймунд оставил в Европе богатое наследие. Несмотря на данную им клятву никогда не возвращаться, граф принимал определенное участие в управлении своими владениями, а после его смерти возникла проблема, связанная с наследованием не только левантийских земель, но и Тулузы. Последней по поручению Раймунда управлял его старший сын Бертран, но его право наследования, возможно в связи с тем, что он считался незаконнорожденным, не было неоспоримым. Дети, рожденные в браке с графиней Эльвирой, за исключением одного мальчика, Альфонсо Иордана, появившегося на свет за несколько месяцев до кончины отца в Крепости пилигрима, умерли. Всем было понятно, что маленький ребенок не способен управлять нестабильным военизированным государством, расположенным в Ливане, а в самой Тулузе, вероятно, на тот момент

даже не знали о его существовании. Бертран продолжал управлять владениями отца, расположенными в Европе, а на Востоке солдаты Раймунда (возможно, в соответствии с его последней волей) избрали его преемником Гильома Иордана, графа Сердани, приходившегося ему двоюродным братом.

Гильом Иордан, бабушка которого по материнской линии приходилась Раймунду теткой, прибыл на Восток незадолго до описываемых событий. Он считал себя регентом, правящим от имени малолетнего сына Раймунда, и не стал брать какой-либо титул, связанный с восточными землями. Однако пока был жив Альфонсо Иордан, ни Бертран, ни Гильом Иордан не были полноправными правителями².

Последний продолжил политику своего предшественника, поддерживая блокаду и сохраняя союзнические отношения с византийцами. По приказу императора наместник Кипра Евматий Филокал отправил к Гильому посланника, которому тот должен был принести феодальную присягу, взамен получив ценный подарок. Благодаря уступчивости Гильома Иордана франки, осаждавшие Триполи, стали регулярно получать продовольствие с Кипра, а византийские войска периодически помогали им в осаде города.

В то время как в лагере франков пищи было достаточно, Триполи столкнулся с угрозой голода. Возможности поставлять в город продовольствие по суше не было. Некоторые корабли, шедшие из портов, контролировавшихся Фатимидами, и даже с территории, на которой правил Танкред, прорывались через блокаду, но они не могли доставить достаточное количество еды для того, чтобы накормить все многочисленное население Триполи. Цены на еду росли в геометрической прогрессии – фунт фиников отдавали за золотую монету. Все, кто мог покинуть город, бежали. В Триполи царили нищета и болезни, с которыми Фахр аль-Мульк боролся, раздавая солдатам и больным еду, купленную за счет особых сборов. Некоторые представители знати бежали из Триполи в лагерь франков, а двое из них рассказали осаждающим о том, как в город поступает продовольствие. Фахр аль-Мульк обещал заплатить Гильому Иордану крупную сумму денег, если тот выдаст этих предателей. После того как граф ответил на это предложение отказом, в лагере христиан были найдены тела убитых перебежчиков.

Фахр аль-Мульк не знал, к кому обратиться за помощью. Он понимал: Фатимиды за свою поддержку потребуют отдать им его владения. С правителем Хомса Тугтегином, с которым заключить союз было логичнее всего, так как после смерти Дукака в 1104 г. тот стал править Дамаском и сам постоянно воевал с Гильомом Иорданом, он находился далеко не в самых хороших отношениях. Самыми безопасными союзниками Фахр аль-Мульк посчитал правителей, владения которых располагались вдали от Триполи, и в 1105 г. отправил в Мардин письмо, адресованное представителю династии Артукидов Сокману. Тот, решив снова вмешаться в события, происходившие на сирийском побережье, отправился во главе многочисленной армии на помощь Фахр аль-Мульку, для чего ему было необходимо пересечь пустыню. Однако, когда войско добралось до Пальмиры, Сокман внезапно умер, а его полководцы поспешили вернуться в Джезире, чтобы там решить вопрос о том, кто должен стать его преемником.

Благодаря своему богатству и дипломатическим способностям Фахр аль-Мульк на протяжении 1106 и 1107 гг. оставался в Триполи, где ситуация становилась все более тяжелой. Он сумел наладить отношения с Тугтегином, проводившим кампании, направленные против франков (например, в 1105 г. он сумел отвоевать у них Рафанею) и оказавшиеся хорошим подспорьем для правителя Триполи. Однако франки уже успели прочно закрепиться на побережье Ливана, и ни у одного из правивших по соседству с ними мусульман не доставало сил, чтобы оттеснить их. Весной 1108 г. охваченный отчаянием Фахр аль-Мульк решил лично обра-

² Хотя Раймунд считал Бертрана наследником своих тулузских владений, когда он уехал на Восток в сопровождении своих детей от Эльвиры, пол которых нам неизвестен, притязания Бертрана, очевидно, считались менее обоснованными, чем права Альфонсо Иордана на Тулузу. Впоследствии притязания Альфонсо Иордана на Триполи не давали покоя внуку Раймунду II.

титься за помощью к багдадскому халифу, считавшемуся религиозным главой всех мусульман, и самому могущественному из исламских правителей – султану Мухаммаду из династии Сельджукидов.

В марте, оставив управление Триполи своему двоюродному брату Абул Манакиб ибн Аммару и заплатив всем своим солдатам за шесть месяцев вперед, Фахр аль-Мульк покинул Триполи. Перед этим он сообщил о своих намерениях Тугтегину и, возможно, получил от Гильома Иордана разрешение на проход по территории, находившейся под контролем франков. С собой правитель Триполи взял отряд из 500 телохранителей и ценные подарки для султана. Когда Фахр аль-Мульк прибыл в Дамаск, Тугтегин принял его с почестями, а местные эмиры буквально осыпали его подарками. Однако он на всякий случай разбил лагерь за пределами городских стен. Во время дальнейшего путешествия его сопровождал сын Тугтегина Таджул-Мулик Бури.

Когда Фахр аль-Мульк приблизился к Багдаду, к нему также отнеслись с почтительным вниманием. Для того чтобы перевезти правителя Триполи через Евфрат, султан отправил собственную ладью, и во время плавания Фахр аль-Мульк возлежал на подушках, прежде прикасавшихся только к телу султана. Несмотря на то что он никогда не носил титула более значимого, чем кади, его вход в Багдад сопровождался церемонией, которую обычно устраивали для независимых правителей. И халиф, и султан отнеслись к Фахр аль-Мульку с поистине братской любовью и всячески восхваляли его за труды во имя веры. Однако когда правители перешли к обсуждению насущных дел, стало понятно, что за теплыми приемом и всеми этими комплиментами ничего не стоит. Султан обещал Фахр аль-Мульку, что все многочисленное войско сельджуков придет на помощь Триполи, но перед этим ей нужно провести несколько малозначительных кампаний в окрестностях Багдада. К примеру, эмира Мосула Джавали следовало сделать более сговорчивым. Фахр аль-Мульк понял, что на самом деле Мухаммад не хочет вмешиваться в события, происходившие вокруг Триполи. По прошествии четырех месяцев, которые он провел во дворце султана, купаясь в роскоши, но так и не сумев ничего добиться, Фахр аль-Мульк отправился в обратный путь, в конце которого выяснилось, что дома у теперь уже бывшего правителя Триполи больше нет.

Абул Манакиб и представители знати, оставшиеся в Триполи, были реалистами. Они понимали, что помочь им способны лишь одни собратья по вере – Фатимиды, сохранившие определенную военно-морскую мощь. Они попросили египетского визиря аль-Афдаля прислать наместника, способного взять управление городом на себя. Тот назначил на эту должность Шарафа ад-Даулу, прибывшего в Триполи летом 1108 г. и привезшего с собой огромное количество зерна, чтобы накормить жителей города. Взять Триполи под свой контроль ему удалось без труда. Все сторонники Фахр аль-Мулька были арестованы и отправлены в Египет. Бывший правитель города узнал о своем низвержении, когда прибыл в Дамаск. В его власти все еще оставалась Джебла, расположенная к северу от Тартуса, куда он и направился. Однако правил в Джебле Фахр аль-Мульк недолго. В марте 1109 г. к городским стенам подошел правитель Антиохии Танкред со всем своим войском. Фахр решил сдаться, надеясь, что Танкред отдаст ему город в качестве феода. Но тот нарушил свое обещание, и Фахр аль-Мульк был вынужден покинуть Джеблу и направиться в Дамаск. Остаток жизни он провел, получая денежное содержание от Тугтегина.

Фахр аль-Мульк лишился Триполи, но египтяне не были способны удерживать его, а Гильом Иорданский – захватить. После смерти Раймунда тулузские бароны признали Бертрана его законным наследником. Во-первых, он правил ими уже на протяжении почти 10 лет, а во-вторых, они не знали о появлении на свет законного сына Раймунда. Однако, когда им стало известно о существовании юного Альфонсо Иордана, они направили на Восток гонца, который должен был попросить ребенка принять свое законное наследство. Графиню Эльвиру нельзя

винить за то, что она предпочла, чтобы ее сын правил богатыми землями на юге Франции, а не шатким государством на Востоке. В итоге в 1108 г. она прибыла вместе с ребенком в Тулузу.

Появление мачехи и брата заставило Бертрана задуматься о своем будущем. Вполне вероятно, что им удалось заключить династическое соглашение, в соответствии с которым Бертран отказывался от каких-либо притязаний на отцовские земли в Европе, а Альфонсо Иордан, в свою очередь, стремясь избавиться от присутствия брата в Тулузе, согласился в его пользу на часть наследства, оставшуюся в Ливане. Летом 1108 г. Бертран отправился на Восток. Он решил завершить создание своего княжества с помощью захвата Триполи. Возможно, Бертран понимал, что в ходе реализации этого плана он может столкнуться с противодействием со стороны Гильома Иордана. С собой сын Раймунда привел армию, состоявшую из 4000 всадников и пехотинцев, а также 40 кораблей, предоставленных ему прованскими портами. В этом путешествии Бертрана сопровождал его малолетний сын Понс.

Сначала Бертран посетил Геную, надеясь получить поддержку с моря, которая была необходима ему для покорения Триполи. Гильом Иордан также пытался заключить союз с генуэзцами, но, прибыв в город, его послы узнали, что республика уже назвала Бертрана своим союзником. Генуэзцы пообещали ему помочь завершить завоевания, начатые его отцом, венцом которых должен был стать захват Триполи, где они собирались получить торговые преференции. Когда осенью Бертран направился на Восток, его сопровождала генуэзская эскадра.

Затем Бертран собирался посетить Константинополь, чтобы заручиться поддержкой друга своего отца – византийского императора. Однако из-за бури корабли были вынуждены зайти в залив Волос, в гавань Альмиро, где люди Бертрана произвели прекрасное впечатление, ибо для них не была характерна свойственная другим европейцам привычка грабить обитателей сельской местности. Соответственно, когда Бертран прибыл в Константинополь, Алексей отнесся к нему очень тепло и принял его, как родного сына. Бертран получил многочисленные подарки и обещание помощи со стороны Византии. Взамен он принес императору клятву верности.

Из Константинополя Бертран и его союзники отправились по морю в порт Антиохии Святой Симеон, откуда он послал к Танкреду гонца, который должен был обратиться к правителю города с просьбой о встрече. Танкред тотчас же сам приехал к Бертрану. Однако спокойным их разговор назвать было нельзя. Бертран сразу высокомерно потребовал, чтобы Танкред отдал ему часть Антиохии, которой некогда владел его отец. Танкред ответил, что подумает об этом только в том случае, если Бертран поможет ему в военной кампании против Мамистры и византийских городов Киликии. Бертран, только что давший клятву верности императору и надеявшийся получить от византийцев помощь, не мог принять это предложение. Однако он предложил другой вариант. Бертран был готов помочь Танкреду завоевать Джеблу, город, где нашел убежище Фахр аль-Мульк. Танкред стал настаивать на совместном походе в Киликию, а когда Бертран ответил категорическим отказом, сославшись на клятву, данную императору, Танкред велел ему покинуть территорию княжества и запретил своим подданным продавать сыну Раймунда продовольствие. Бертран был вынужден отправиться на юг и поплыл в порт Тартуса.

Тартусом управлял один из людей Гильома Иордана, впустивший Бертрана в город и отдавший ему все необходимые припасы. На следующий день Бертран отправил в Крепость пилигрима гонца, который должен был передать Гильому Иордану требование отдать Бертрану все наследие его отца в Верблюдице, то есть княжество с центром в Хомсе, которое Раймунд собирался создать. Однако незадолго до этого Гильому Иордану удалось добиться блестящей победы. Когда египтяне заняли Триполи, город Арка, где правил один из любимых слуг Фахр аль-Мулька, перешел под защиту правителя Дамаска Тугтегина. Тот лично отправился осматривать свои новые владения, но из-за поливших зимой дождей продвигался по Аль-Букайе очень медленно. Ожидая наступления хорошей погоды, он напал на несколько крепо-

стей, построенных христианами неподалеку от границы. Гильом Иордан в сопровождении 300 всадников и 200 местных пехотинцев незаметно прошел по склону горного хребта Ливана и неподалеку от деревни Акун неожиданно атаковал него. Охваченная паникой армия Дамаска во главе с самим Тугтегином побежала к Хомсу, а франки стали ее преследовать. Последние не осмелились атаковать город, а вместо этого повернули на север и вторглись на территорию Шайзара. Муршид и Султан, братья из династии Мункизидов, правившие в Шайзаре, узнав о малочисленности франкского войска, вышли ему навстречу, будучи совершенно уверенными в том, что с легкостью одержат победу. Однако франки тотчас же перешли в атаку, причем настолько ожесточенную, что солдаты из Шайзара обратились в бегство. Затем Гильом Иордан вернулся к Арке, сдавшейся после трехмесячной осады.

Воодушевленный этими победами Гильом Иордан не собирался отказываться от чего бы то ни было в пользу Бертрана. Он ответил, что получил владения Раймунда как законный наследник, защищал их и расширял их границы. Однако, увидев, насколько велика армия Бертрана, он пришел в замешательство и отправил в Антиохию гонца с просьбой о помощи, пообещав, что в благодарность за поддержку станет вассалом Танкреда. Это заставило Бертрана сделать аналогичный шаг. Он отправил в Иерусалим гонца с письмом к королю Балдуину. Бертран попросил короля рассудить их с Гильомом, назвал Балдуина верховным судьей всех франков, живших на Востоке, и своим сюзереном.

Балдуин, будучи человеком прозорливым, понимал, что живущие на Востоке франки должны действовать сообща. В то же время он обладал достаточно обширными амбициями для того, чтобы считать себя их предводителем. Поэтому он сразу же ответил на обращение Бертрана. Король Иерусалима не забыл, как Танкред поступил с графом Эдессы Балдуином и Жосленом де Куртене, и был зол на него.

Бертран отправился на юг – в Триполи. Там его армия одновременно выполняла две задачи – поддерживала блокаду города и осаждала Крепость пилигрима, в которой укрылись сторонники Гильома Иордана. Тот к тому времени уже успел покинуть крепость и снова занял Тартус, где стал ждать Танкреда. Едва тот приехал, в город прибыли посланники короля: Евстахий де Гранье и правитель Хайфы Пайен, велевшие им обоим приехать в Триполи, где король будет решать вопрос о наследстве Раймунда, а также о возвращении Эдессы и Турбесселя их законным владельцам. Гильом Иордан хотел отказаться от этой поездки, но Танкред понимал, насколько дорого им может обойтись неповиновение.

В июне 1109 г. все правители франкских государств, образовавшихся на Востоке, собрались у стен Триполи. Там же находилась армия Бертрана. Король Балдуин прибыл с юга в сопровождении 500 рыцарей и такого же числа пехотинцев. Танкред привел с собой 700 своих лучших рыцарей, а граф Эдессы Балдуин и Жослен прибыли в сопровождении своих охранников. Во время торжественного заседания, состоявшегося в Крепости пилигрима, Танкред по всем правилам примирился с графом Эдессы Балдуином и Жосленом, а наследство графа Тулузского было разделено на две части. Гильом Иордан получал Тартус и завоеванную им Арку, а Бертрану достались Джебейль и Триполи (когда он будет наконец завоеван). При этом первый из них дал клятву верности Танкреду, а второй – королю Балдуину. Кроме того, была достигнута договоренность о том, что после смерти любого из наследников его земли перейдут ко второму.

После того как между предводителями франков был заключен мир, их армия всерьез взялась за захват Триполи. Египетский наместник Шараф ад-Даула воззвал к Фатимидам с просьбой о помощи, которая была ими услышана. Они снарядили огромный флот, в который вошли не только военные корабли, но и транспортные суда, перевозившие солдат и продовольствие. Но из-за интриг и ссор между египетскими военачальниками отправление кораблей из портов Дельты задерживалось. Один месяц проходил за другим, а визирь без особого энтузиазма пытался примирить ссорившихся. И вот наконец были отданы последние приказы, и суда

уже были готовы покинуть порт. Однако из-за постоянно дувшего северного ветра они не могли выйти из гавани. Когда наконец они отправились в путь, причем уже в меньшем количестве, было уже слишком поздно.

Солдаты гарнизона Триполи, видя, что доступ к морю перекрыли генуэзские и прованские корабли, а стены города подвергаются ударам всех осадных машин, имеющихся у армии франков, вскоре поняли, что сопротивление бесполезно. Шараф ад-Даула написал королю Балдуину, что готов сдать город, но на определенных условиях. Он попросил, чтобы жителям, которые захотят покинуть Триполи, разрешили уйти и унести с собой все, что они смогут забрать, и чтобы те, кто решит остаться, стали подданными франков, сохранили все свое имущество и лишь ежегодно платили определенную сумму в качестве подати. Кроме того, ему самому победители должны были разрешить уехать в Дамаск вместе со всем войском. Балдуин согласился, и 12 июля 1109 г. христиане вошли в Триполи.

Сам Балдуин выполнил свое обещание. В тех областях, которые перешли под его контроль, местных жителей никто не грабил и не притеснял. Но генуэзские моряки, увидев, что город лишился защиты, решили пойти по собственному пути. Они начали грабить, жечь дома и убивать встреченных ими мусульман. Остановить их удалось лишь через некоторое время. Во время этих беспорядков сгорела огромная библиотека, собранная представителями династии Бану Аммар и считавшаяся лучшей во всем исламском мире, и все, что в ней хранилось, погибло.

Когда франки полностью заняли город и сумели восстановить порядок, его правителем был назван Бертран. Он взял себе титул графа Триполи и подтвердил свою вассальную клятву королю Иерусалима. Про его обязательства перед императором Алексеем все забыли. Генуэзцы получили в качестве вознаграждения квартал в Триполи, замок под названием Твердыня коннетабля, расположенный в десяти милях к югу от Триполи, и оставшиеся две трети Джебейля. Джебейль они передали под власть флотоводца Гуго Эмбриако, потомки которого превратили его в передаваемый по наследству феодал.

Бернарду не пришлось долго ждать того момента, когда он получит всю восточную часть наследства отца. Когда армия франков находилась в Триполи, Гильом Иордан был ранен стрелой. Нам неизвестно, при каких обстоятельствах это произошло. По одной из версий, он, не разобравшись, вмешался в конфликт, разразившийся между двумя слугами, и, когда он пытался разнять их, кто-то выстрелил в него из лука. Главным подозреваемым, естественно, оказался Бертран, но доказать его вину так и не смогли. Он тотчас же забрал себе все владения Гильома Иордана, которые таким образом оказались в вассальной зависимости от короля Балдуина. Танкред поставил не на ту лошадь.

Таким образом, сын Раймунд сумел претворить в жизнь план отца и создать на Востоке государство. Правда, площадь этого княжества оказалась меньше, чем планировал Раймунд, и территория Верблюдицы в него так и не вошла. Вместо того чтобы стать вассалом византийского императора, правившего в далеком Константинополе, Бертран предпочел сюзерена, жившего гораздо ближе – в Иерусалиме. Полученное им наследство оказалось весьма многообещающим. Благодаря богатству и расположению земель, вошедших в состав княжества Триполи, ставшего мостом между франками Сирии и теми, кто обитал в Палестине, ему было суждено сыграть жизненно важную роль в дальнейшей истории крестовых походов.

Глава 5. Король Балдуин I

*Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов.
Книга Иова, 41: 16*

Вмешательство короля Балдуина в события, произошедшие у Триполи в 1109 г., свидетельствовало о том, что он был самым могущественным из франкских правителей Востока. Своего положения он добился благодаря терпению, усердию и бесстрашию. Прибыв в Иерусалим, несмотря на противостояние заключивших между собой союз патриарха Даимберта и князя Антиохии, он нашел там пустую казну, а его владения оказались разбросаны и состояли из центрального горного хребта Палестины, Изреельской долины и нескольких крепостей, построенных в сельской местности, жители которой отнеслись к новоприбывшим довольно враждебно. Балдуин также не мог похвастаться и армией, немногочисленной и состоявшей из ставивших себя выше закона высокомерных рыцарей и местных наемников, к которым он не испытывал большого доверия. Единственным хорошо организованным институтом была церковь, но в ней образовались две противоборствующие партии – одну возглавлял Даимберт, а вторую – Арнульф. При Готфриде государством управляли его приближенные, которых было немного и которые плохо подходили для такой роли. Бароны, которым было доверено управление приграничными замками, на отведенных им территориях по сути были полноправными властелинами.

Балдуин понимал, что наибольшую опасность для государства, в котором еще не успели навести порядок, представляет атака мусульман. Полагая, что лучший способ защиты – это нападение, он, отодвинув на второй план проблему своих взаимоотношений с Даимбертом, требовавшую срочного решения, начал кампанию по устрашению безбожников. Благодаря своим подвигам в Эдессе и победе в сражении у Собачьей реки Балдуин стал внушать страх, чем он собирался воспользоваться. Уже по истечении недели после прибытия в Иерусалим он выступил в Аскалон и провел под стенами этого города своеобразную демонстрацию своей военной мощи. Однако крепость была не по зубам его небольшой армии, вследствие чего он направился на восток, в Хеврон, а оттуда – в Негев, к Сегору, расположенному в пропитанных солью землях на южной оконечности Мертвого моря, сжигая по пути деревни. Затем Балдуин направился далее – через дикую Идумею к горе Харун и древнему монастырю Святого Аарона, что неподалеку от Петры. Хотя правитель Иерусалима не основывал по пути никаких поселений, его поход устранил арабов, и в течение нескольких последовавших за этим лет они воздерживались от нападений на подвластные ему территории.

В Иерусалим Балдуин вернулся за несколько дней до Рождества. У патриарха Даимберта было достаточно времени для того, чтобы поразмыслить над сложившейся ситуацией. Он смирился с неизбежным и в Рождество 1100 г. провел церемонию коронации правителя Иерусалима. В обмен на это Балдуин утвердил его в сане патриарха.

В начале весны 1101 г. Балдуин узнал, что через Трансиорданию движется богатое арабское племя. Он тотчас же форсировал вместе с отрядом солдат реку и ночью напал на лагерь арабов. Спасти сумело лишь несколько из них. Большинство мужчин перебили в их же палатках, а женщин и детей угнали в рабство. Франки также забрали из лагеря огромное количество золота и драгоценностей. Среди пленников оказалась беременная жена одного из шейхов племени. Услышав о ее положении, Балдуин приказал отпустить ее саму и ее служанку, дать им двух верблюдиц и запас пищи и воды. По дороге женщина родила ребенка и воссоединилась с мужем. Искренне тронутый добросердечием Балдуина, он поспешил к королю, чтобы поблагодарить его и пообещать, что однажды оплатит ему за доброту.

Благодаря новости о походах Балдуин стал пользоваться еще большим уважением. В марте из прибрежных городов: Арсуфа, Кесарии, Акры и Тира – в Иерусалим прибыли посольства с ценными подарками. Правитель Дамаска Дукак предложил Балдуину 50 000 золотых безантов в качестве выкупа за пленников, захваченных королем Иерусалима в битве у Собачьей реки. Таким образом, Балдуину удалось решить наиболее насущную проблему – финансовую.

Привезенная Балдуину дань недолго приносила пользу Арсуфу и Кесарии. В марте из Хайфы отплыла эскадра генуэзских кораблей, которая 15 апреля уже вошла в порт Яффы. Одним из пассажиров был Маурицио, кардинал-епископ Порто, направленный в Святую землю папой Пасхалием в качестве легата. Прежде Балдуин был вынужден полагаться на немногочисленную флотилию пизанских кораблей, сопровождавшую архиепископа Пизы Даимберта, все еще остававшегося его врагом, в его путешествии на Восток. Союз с генуэзцами, главными соперниками пизанцев, более чем устраивал короля. Он поспешил в Хайфу, решив лично поприветствовать их и встретить легата, а затем пригласил их предводителей отпраздновать Пасху в Иерусалиме. Там генуэзцы согласились на предложение Балдуина поступить к нему на службу на один сезон. В качестве платы они попросили треть добычи, которая будет захвачена, как деньгами, так и материальными ценностями, а также по улице в каждом занятом городе, причем не любой, а расположенной в квартале с базаром. Едва подписав договор, союзники двинулись в поход против Арсуфа. При этом Балдуин с войском передвигался по суше, а генуэзцы – по морю. Вскоре горожане поняли, что сопротивляться бесполезно. Городские власти согласились сдаться, потребовав, чтобы новые хозяева города разрешили его жителям забрать свое имущество и уехать на территории, находившиеся под властью мусульман. Балдуин согласился. Его войска сопровождали желающих уехать горожан до Аскалона. Затем король, отдав генуэзцам то, что им причиталось, разместил в Арсуфе гарнизон.

Из Арсуфа союзники направились в Кесарию, осада которой началась 2 мая. Гарнизон города, надеясь на крепкие стены, построенные византийцами, отказался сдаваться. Однако 17 мая Кесарию удалось взять приступом. Балдуин разрешил своим солдатам разграбить город. Правда, последовавшие за этим события шокировали даже военачальников. Наиболее кровавой была расправа, произошедшая в главной мечети, некогда представлявшей собой синагогу Ирода Агриппы. Там решило укрыться множество горожан, моливших о пощаде. Но все они – и мужчины и женщины – были убиты, а пол мечети был залит кровью. Из всех жителей Кесарии крестоносцы пощадили лишь нескольких маленьких девочек и младенцев, а также главу города и начальника гарнизона, спасенных самим Балдуином, надеявшимся получить за них хороший выкуп. Эти зверства не были случайными. Балдуин хотел продемонстрировать, что выполняет свои обещания, данные тем, кто готов с ним договариваться, но в противном случае пощады от него ждать не стоит.

Едва Балдуин успел разделить добычу в соответствии с договоренностью, достигнутой с генуэзцами, и разместить в городе гарнизон, ему сообщили, что в Палестину вступила египетская армия.

Визирь Фатимидов аль-Афдаль жаждал отомстить за поражение в битве при Аскалоне, состоявшейся за два года до этого, и организовал военный поход, командовать которым был назначен мамлюк Саад ад-Даула аль-Кавазы. Египтяне достигли Аскалона в середине мая и дошли вплоть до Рамлы, возможно надеясь достичь Иерусалима до того, как Балдуин вернется из Кесарии. Король Иерусалима спешно повел свое войско к Рамле. В связи с этим Саад отошел к Аскалону, где стал ждать подкрепления. Укрепив Рамлу, Балдуин разместился в Яффе, что позволило ему наблюдать за передвижениями египтян и в то же время держать под контролем морские пути. В конце августа крестоносцам удалось перехватить письмо, в котором говорилось, что к египтянам прибыло подкрепление и они собираются выступить на Иерусалим.

Наконец 4 сентября Саад неспешно выступил со своим войском из Рамлы и двинулся в путь. Через два дня Балдуин провел военный совет и решил напасть на противника на рассвете, не дожидаясь, пока тот атакует сам. В его распоряжении имелось всего 260 всадников и 900 пехотинцев, но все они были прекрасно вооружены и обладали большим боевым опытом, в то время как солдаты многочисленной армии египтян, состоявшей, по подсчетам короля, из 11-тысячной конницы и 21-тысячной пехоты, были легко вооружены и не имели почти никакой военной подготовки. Балдуин разделил свое войско на пять отрядов, первым из которых командовал рыцарь по имени Бервольд, вторым – сеньор Хайфы Годемар Карпенель, третьим – Гуго де Сен-Омер, ставший вместо Танкреда князем Галилеи, а четвертым и пятым – сам король. Воодушевленные наличием истинного креста, трогательной проповедью Арнульфа де Роола и получившие отпущение грехов от папского легата, франки двинулись к Рамле и на рассвете неподалеку от Ибелина, расположенного к юго-западу от города, атаковали египтян.

Первым в атаку бросился Бервольд, но египтяне сумели перебить его воинов, да и сам он погиб. Ему на помощь поспешил Годемар Карпенель, но и он пал на поле боя вместе со всеми своими людьми. Затем в атаку перешли воины из Галилеи, но и они не смогли пробиться сквозь многочисленных египтян. Увидев, что несет серьезные потери, Гуго де Сен-Омер увел своих солдат и, преследуемый левым флангом египетской армии, побежал вместе с ними в сторону Яффы. Казалось, будто все потеряно. Однако король Балдуин, во всеуслышание раскаявшись в своих грехах перед истинным крестом и выступив с речью перед солдатами, сел на своего храброго арабского скакуна по имени Газель и во главе рыцарей галопом понесся прямо на вражеское войско. Уверенные в своей победе, египтяне не ожидали такого поворота событий. После непродолжительной стычки солдаты, стоявшие в центре их армии, развернулись и обратились в бегство. Паника тут же охватила правый фланг египетского войска. Балдуин, запретивший своим воинам останавливаться, чтобы мародерствовать или грабить вражеский лагерь, преследовал египтян до стен Аскалона. Затем он собрал своих людей и стал делить трофеи, захваченные на поле боя.

Тем временем Гуго де Сен-Омер прибыл в Яффу и сообщил находившимся там королеве и ее придворным о поражении. Услышав об этой трагедии и решив, что король погиб, они сразу же отправили гонца к князю Антиохии Танкреду – единственному человеку, способному, по их мнению, помочь в сложившейся ситуации. На следующее утро они увидели, что к городу приближается войско, и решили, будто это египтяне. Насколько же велика была их радость, когда они разглядели франкские знамена и увидели короля. В Антиохию тотчас же отправился второй гонец, который должен был сообщить Танкреду, не без удовольствия готовившемуся отправиться на юг, о победе и о том, что ему следует оставаться дома.

Угрозу удалось предотвратить, но лишь на время. Египтяне понесли серьезные потери и не собирались в обозримом будущем выступать в новый поход. Однако Египет мог похвастаться огромными ресурсами. Аль-Афдаль без труда собрал новое войско, которое должно было отправиться в Палестину в следующем году. Тем временем Балдуин принимал у себя выживших крестоносцев, участвовавших в походе 1101 г. Ранней весной 1102 г. они, возглавляемые Гильомом Аквитанским, Стефаном Блуаским, Стефаном Бургундским и коннетаблем Конрадом, в сопровождении баронов из Нижних земель, а также Эккехарда из Ауры и епископа Манассии (большинство из всех них приплыло в Антиохию по морю), достигли окрестностей Бейрута. Для того чтобы они могли благополучно пройти по вражеской территории, Балдуин послал туда отряд, который должен был проводить их в Иерусалим. Проведя Пасху в священном городе, предводители крестоносцев засобирались домой. В конце апреля Гильом Аквитанский благополучно отплыл в Святой Сimeон, а корабль, на который сели Стефан Блуаский и Стефан Бургундский, а также несколько других крестоносцев, штормом выбросило на берег в районе Яффы. Прежде чем им смогли предоставить другой корабль, стало известно, что из

Египта выступило еще одно войско. Из-за этой роковой неудачи они были вынуждены остаться и помочь своим собратям в грядущем конфликте.

В середине мая 1102 г. египетское войско, состоявшее примерно из 20 000 египтян и суданцев, которым на этот раз командовал сын визиря Шарафа аль-Маали, стянулось к Аскалону и двинулось в сторону Рамлы. Балдуин уже приготовился к прибытию врага. В Яффе его ждало войско, состоявшее из нескольких тысяч христиан, а галилейские гарнизоны были готовы в случае необходимости прислать свои отряды. Но разведчики Балдуина подвели его. Посчитав, будто ему придется иметь дело с немногочисленным и недисциплинированным отрядом, он решил разделаться с египтянами самостоятельно, не призывая резервные войска. Вместе с Балдуином в Иерусалиме находились его друзья, приехавшие с Запада, – Стефан Блуаский, Стефан Бургундский, коннетабль Конрад, Гуго де Лузиньян и бельгийские рыцари, и он предложил им выступить против врага в сопровождении его конницы. Стефан Блуаский осмелился порекомендовать не принимать поспешных решений и предложил спланировать предстоящее сражение более тщательно. Но никто не стал его слушать, не забыв о трусости, проявленной им при осаде Антиохии. В итоге он был вынужден присоединиться к своим товарищам и больше ничего им не предлагал.

Таким образом, 17 мая Балдуин в сопровождении примерно 500 всадников выступил из Иерусалима. Они ехали весьма беспечно, не сохраняя строй. Балдуин осознал свою ошибку лишь тогда, когда крестоносцы прибыли на равнину и увидели многочисленную египетскую армию. Но пути назад уже не было. Египтяне заметили христиан, и их легкая конница уже скакала им навстречу, чтобы не позволить отступить. Крестоносцы понимали: им следует стремительно атаковать противника, иначе они лишатся последнего шанса на спасение. Египтяне, поначалу решившие, что перед ними всего лишь авангард более многочисленного войска, едва не обратились в бегство, испуганные подобным натиском, но затем, увидев, что за христианами никто не следует, сомкнули ряды и перешли в наступление. Солдаты Балдуина нарушили строй. Нескольким рыцарям во главе с Роже де Розуа и двоюродным братом Балдуина Гуго де Буром удалось прорваться сквозь ряды египтян и добраться до Яффы. Многие воины, включая Жерара д'Авена и Стабелона, бывшего мажордома Готфрида, погибли на поле боя. Однако сам король Балдуин и его товарищи сумели укрыться в небольшой крепости в Рамле, которая тотчас же оказалась окружена египетской армией.

От нападения противника крестоносцев спасло наступление ночи. Однако защитные сооружения Рамлы не вызывали оптимизма. Укрывшиеся понимали, что удержать, вероятно, смогут только башню, построенную по приказу Балдуина за год до этого. Поэтому все они поспешили спрятаться именно в ней. Посреди ночи к воротам подошел араб и сказал, что ему нужно поговорить с королем. Его пустили в крепость, и оказалось, что это муж той самой дамы, которую Балдуин пощадил во время похода в Трансиорданию. В благодарность за спасение жены он предупредил короля, что египтяне планируют начать брать крепость приступом на рассвете, и посоветовал ему бежать. Как бы ни жалел Балдуин, что ему придется оставить своих товарищей на верную гибель (хотя в целом его сложно назвать человеком чести), он понимал, что от его жизни зависит будущее целого государства. В сопровождении слуги и трех товарищей он на своем коне Газели пробрался через вражеское войско. Той же ночью крепость покинули наместник Яффы Литар де Камбре и Готман Брюссельский. Последний, хотя и тяжело раненный, сумел добраться до Иерусалима и рассказать о случившейся катастрофе. При этом он просил своих сородичей не отчаиваться, ибо верил, что Балдуин все еще жив.

Рано утром следующего дня египтяне начали штурмовать Рамлу. Вокруг башни, в которой укрылись рыцари, они разложили вязанки хвороста. Не желая погибнуть в пламени, пришельцы с Запада во главе с коннетаблем Конрадом выскочили на врага. Но пробиться на свободу им не удалось. Всех их перебили на месте или взяли в плен. Храбрость Конрада настолько поразила египтян, что они решили сохранить ему жизнь. В итоге его, а также более сотни его

сородичей угнали в Египет в качестве пленников. Другие предводители крестоносцев: Стефан Бургундский, Гуго де Лузиньян и Жоффруа Вандомский – пали на поле боя. Погиб и Стефан Блуаский, славная смерть которого наконец способствовала восстановлению его репутации. Графиня Адела теперь могла спать спокойно.

Королева и все придворные снова находились в Яффе. Туда же прибыли Роже де Розуа и те, кто бежал вместе с ним, и тотчас же рассказали об ужасном поражении. Они опасались, что король погиб вместе со всеми остальными рыцарями, и собирались сесть на корабль и бежать, пока на это еще есть время. Однако 20 мая египетская армия подошла к городу, а на горизонте появился египетский флот. Когда египетский солдат стал размахивать мертвой головой, которая, как думали мусульмане, принадлежала королю (хотя на самом деле при жизни этот человек, действительно очень похожий на Балдуина, звался Гервольд из Виндеке), тем, кто находился в Яффе, показалось, будто все их худшие страхи претворились в жизнь. Внезапно на севере показалась небольшая ладья, плывшая в сторону города. Находившиеся там люди подумали, будто случилось настоящее чудо, ведь над суденышком развевался личный штандарт короля.

Бежав из Рамлы, Балдуин направился в сторону побережья, надеясь добраться до находившейся в Яффе армии. Но по сельской местности рыскали египетские солдаты. На протяжении двух дней и двух ночей он бродил по холмам, расположенным к северу от Рамлы, а затем поспешно пересек равнину Шарон, направляясь в сторону Арсуфа. Когда король прибыл туда вечером 19-го числа, его встретил переполненный радостью и удивлением наместник Роже Хайфский. Тем же вечером в Арсуфе к Балдуину присоединилось войско Галилеи, состоявшее из 80 отборных рыцарей, под командованием Гуго де Сен-Омера, который, едва услышав новость о наступлении египтян, поспешил на юг.

На следующее утро Гуго во главе своего отряда отправился на юг, чтобы попытаться прорваться к Яффе, а сам Балдуин убедил английского искателя приключений по имени Годрик перевезти его на корабле через египетскую блокаду. Стремясь поддержать придворных, Балдуин поднял над судном свой личный штандарт. Это увидели египтяне, тотчас же пославшие корабль на перехват. Однако в тот день дул сильный северный ветер, который это судно не смогло преодолеть, в то время как корабль, на борту которого находился Балдуин, благодаря ему быстро вошел в бухту.

Едва сойдя на берег, король занялся реорганизацией своих сил. До того как египтяне успели полностью замкнуть кольцо блокады вокруг города, он вырвался наружу, чтобы встретиться с князем Галилеи Гуго и провести его самого и его войско в город. Затем он отправил в Иерусалим гонца с приказом мобилизовать всех мужчин, живших как в самом священном городе, так и в Хевроне. В качестве посланника был избран местный монах, согласившийся перевезти послание Балдуина через вражеские ряды. Он покинул Яффу под прикрытием ночной тьмы, но на то, чтобы добраться до Иерусалима, ему потребовались три дня. Услышав от него о том, что король жив, горожане неимоверно обрадовались. Жителям Иерусалима удалось снарядить войско, состоявшее примерно из девяноста рыцарей и еще большей по численности легкой конницы и получившее в качестве дополнительной защиты фрагмент истинного креста. Оно спешно выдвинулось к Яффе. Хорошо вооруженные и обладавшие прекрасно обученными боевыми конями рыцари смогли прорваться в город, но легкую конницу противник сумел вытеснить в море. В итоге всадникам пришлось бросить лошадей и вплавь добираться до бухты. Тем временем Балдуин отправил Танкреду и графу Эдессы Балдуину письма, в которых сообщал о своих потерях и просил адресатов прислать подкрепление.

Однако еще до того, как правители расположенных на севере государств успели выступить в поход, Балдуин получил неожиданную помощь. В последние дни мая в Яффу благодаря попутному ветру через египетскую блокаду смогла прорваться флотилия, состоявшая из двухсот кораблей (в основном английских), на борту которых находились солдаты и палом-

ники из Англии, Франции и Германии. Благодаря этому в распоряжении Балдуина появились столь необходимые ему дополнительные человеческие ресурсы. В итоге 27 мая он вывел из города армию, готовую встретиться с врагом лицом к лицу. Более или менее подробные сведения об этом сражении в источниках не сохранились. Судя по всему, египтяне безуспешно пытались заманить войско Балдуина в ловушку и окружить его, а коннице франков в конце концов удалось нанести удар, нарушивший строй противника и обративший его в бегство. Уже через несколько часов египетское войско сломя голову неслось в Аскалон, а лагерь египтян и все оставшееся там имущество были захвачены христианами.

Таким образом, как самого Балдуина, так и его королевство спасла череда случайностей, в которой христиане по вполне понятным причинам видели божественное провидение. Одной из них, сыгравшей немаловажную роль в случившемся, стала непродуманная стратегия египтян. Если бы они сразу после битвы при Рамле послали к Иерусалиму небольшой отряд, что никоим образом не сказалось бы на прочности блокады Яффы, он сумел бы без особого труда захватить Иерусалим. Но визирь аль-Афдаль утратил хватку, а его сын Шараф оказался слабым человеком, не умевшим подчиняться приказам. Из-за соперничества между заместителями последнего армия лишилась способности двигаться. Следующим летом его отец организовал новую экспедицию, в которой участвовали как сухопутные войска, так и корабли. Однако в то время как флотилия плыла в сторону Яффы, солдаты, передвигавшиеся по суше, добравшись до Аскалона, отказались идти дальше, так как командовавший ими мамлюк Тадж аль-Аджам завидовал флотоводцу кади Ибн Кадусу. Впоследствии первый из этих двоих был обвинен в предательстве и оказался в заключении, но ничего исправить уже было нельзя. Египтяне упустили прекрасную возможность вернуть Палестину.

Едва услышав о бедственном положении, в котором оказался Иерусалим, Танкред и Балдуин де Бур стали спешно готовиться к походу на юг. С ними в путь отправился и Гильом Аквитанский, которого гонец Балдуина, привезший его письмо, также застал в Антиохии. Вместе они прошли вверх по долине Оронта, миновав Хомс, а затем вниз вдоль верховья реки Иордан, причем войско их оказалось настолько многочисленным, что местные мусульманские правители даже не пытались помешать его продвижению. Ближе к концу сентября они добрались до Иудеи. К тому времени Балдуин уже не нуждался в их помощи, но прибытие их армии позволило ему атаковать египетское войско, стоявшее у Аскалона. Христиане сумели выиграть бой, но даже не попытались взять крепость приступом.

Встреча франкских правителей была нужна Балдуину еще по одной причине. Танкред собирался оказать помощь на своих собственных условиях, но получилось так, что он позволил королю решить самую сложную из стоявших перед ним проблем, связанных с внутренней политикой его государства. Патриарх Даимберт короновал Балдуина в Рождество 1100 г., но сделал он это крайне неохотно, о чем последний прекрасно знал. Балдуин понимал, что должен контролировать церковь, хорошо организованную структуру, которой (а не светским властям) благочестивые жители Запада делали пожертвования и оставляли наследство. В законности наделения Даимберта саном патриарха существовали определенные сомнения, а в Рим неоднократно поступали соответствующие жалобы.

В конце концов, для того чтобы разобраться в сложившейся ситуации, папа Пасхалий отправил на Восток своего легата Маурицио, кардинала-епископа Порто. Тот прибыл на место перед Пасхой 1101 г., и Балдуин тотчас же обвинил Даимберта в измене, доказательством которой стало письмо, написанное им после смерти Готфрида и адресованное Боэмунду, в котором патриарх призывал последнего помешать вступлению на престол Балдуина, применив, если это будет необходимо, силу. Кроме того, король заявил, будто Даимберт пытался убить его во время путешествия на юг. Даже при условии, что последнее обвинение было надуманным, письмо являлось неоспоримым доказательством вины патриарха. В итоге Маурицио запретил Даимберту участвовать в ритуалах, связанных с празднованием Пасхи, и провел их само-

стоятельно. Опасавшийся за свою судьбу Даимберт разыскал Балдуина и, встав перед ним на колени, со слезами на глазах стал умолять о прощении. Но король был непреклонен, по крайней мере до тех пор, пока Даимберт не пробормотал, что сумел накопить 300 безантов. Балдуину постоянно были нужны деньги, поэтому он, никому ничего не говоря, принял подарок, а затем отправился к папскому легату и заявил, что готов проявить великодушие и простить Даимберта. Маурицио, будучи человеком мирным, с радостью принял новость о том, что ему удалось разрешить конфликт.

Уже через несколько месяцев Балдуину снова понадобились деньги, и он обратился к Даимберту. Тот отдал ему 200 марок, заявив, что это все деньги, оставшиеся в казне патриархата. Однако священнослужители, являвшиеся сторонниками Арнульфа, сказали королю, что на самом деле у Даимберта куча денег и он просто не хочет делиться. По иронии судьбы через несколько дней после этого патриарх устроил пышное пиршество в честь папского легата, поддержки которого пытался добиться всеми известными ему способами. Балдуин пришел в ярость и выступил с речью, в которой обвинил церковников в том, что они погрязли в роскоши, в то время как христианские воины голодают. Разозлившийся Даимберт ответил, что служители церкви могут использовать свои деньги так, как считают нужным, и что король не властен над ней. Все это время обеспокоенный случившимся Маурицио пытался примирить короля и патриарха. Но заткнуть Балдуина было невозможно. Благодаря тому что в юности он готовился к роли священника, король был прекрасно знаком с церковным правом. К тому же он был настолько хорошим оратором, что произвел впечатление даже на Маурицио. Он вырвал у Даимберта обещание заплатить за отряд всадников. Однако этих денег Балдуин так никогда и не увидел, хотя беспрестанно напоминал патриарху о его обещании.

Однако осенью 1101 г. от герцога Апулии Рожера прибыл гонец, который привез в качестве подарка патриарху 1000 безантов. Треть этой суммы предназначалась для Гроба Господня, треть – госпиталю, а оставшаяся треть – королю, который должен был потратить эти деньги на содержание войска. Но Даимберт опрометчиво оставил все деньги себе. Условия, на которых был передан этот подарок, ни для кого не остались тайной, и, когда король обратился с жалобой к легату, тот уже не мог поддерживать Даимберта и был вынужден отрешить его от сана патриарха. Последний отправился в Яффу, где провел зиму, а затем двинулся в Антиохию. Старый друг Танкред тепло встретил Даимберта и отдал в его распоряжение церковь Святого Георгия – одну из самых богатых в городе. Балдуин, в свою очередь, под предлогом необходимости проинформировать о случившемся Рим держал патриарший престол пустым. Тем временем его люди проникли в патриаршую сокровищницу и выяснили, что Даимберт утаил от короля 20 000 безантов. Местоблюстителем патриаршего престола стал Маурицио. Но из-за всех этих скандалов его здоровье пошатнулось, и весной 1102 г. он умер.

Придя осенью на помощь Балдуину, Танкред заявил, что готов оказать ее, если король вернет сан сопровождавшему регента Даимберту. Балдуин был воплощением покладистости. Однако тогда же на Восток прибыл новый папский легат – кардинал Парижа Роберт. Поэтому король заявил, что дело о возвращении сана Даимберту следует рассмотреть на церковном соборе, который должен возглавить Роберт. Танкред и Даимберт не смогли отказаться от этого предложения. Последнему был возвращен сан, но только до вынесения окончательного решения. В итоге Танкред стал готовить свое войско к совместному с армией Балдуина походу на Аскалон.

Вскоре в храме Гроба Господня прошел собор. На нем председательствовал легат, а помогали ему епископы из Лана и Пьяченцы. На этом заседании присутствовали все палестинские епископы и аббаты, а также епископ Мамистры, расположенной на территории, контролируемой Танкредом. С обвинением против Даимберта выступили прелаты из Кесарии, Вифлеема и Рамлы, которым оказывал поддержку Арнульф де Роол. Они заявили, что, когда Даимберт путешествовал по Палестине в 1099 г. во главе отряда пизанцев, он нападал на христиан,

живших на Ионических островах, что он пытался разжечь гражданскую войну между королем Балдуином и князем Боэмундом и утаил деньги, которые ему передавались для паломников в госпитале и солдат Христовых. Все эти обвинения, несомненно, были правдивы, вследствие чего кардинал, назначенный папским легатом, был вынужден объявить, что Даимберт не достоин престола, и низвергнуть его.

Танкред не мог возражать против решения, принятого с соблюдением всех церковных процедур, и был вынужден признать свое поражение. Даимберт сопровождал его на обратном пути в Антиохию, а по возвращении ему снова была отдана церковь Святого Георгия, по крайней мере до тех пор, пока он не найдет возможность вернуться в Рим. Там этот человек, достигший уже довольно преклонного возраста, проявил свою продажную и жадную натуру, и никто из жителей Палестины не жалел о его отъезде. Назначение Даимберта папским легатом стало большой ошибкой папы Урбана II.

Арнульф де Роол, с радостью помогавший Балдуину во всем этом предприятии, был слишком хитер для того, чтобы пытаться занять место Даимберта. Вместо этого, когда легат спросил о кандидате на сан патриарха, палестинские епископы предложили передать престол пожилому священнику из Терруана по имени Эвремар. Последний, оказавшийся на Востоке во время Первого крестового похода, славился своим благочестием и сострадательностью. Несмотря на то что Эвремар поддерживал Арнульфа, он не принимал участия в интригах де Роола и пользовался всеобщим уважением. Легат с радостью согласился посвятить в сан столь безупречного священнослужителя. Балдуина это решение также полностью устраивало, ибо он знал, что Эвремар – всего лишь безвредный старик, которому никогда не придет в голову лезть в политику. У Арнульфа, в свою очередь, теперь появилась возможность беспрепятственно претворять в жизнь собственные планы.

Даимберт не отчаялся. Когда в 1105 г. его покровитель Боэмунд отправился в Италию, он вызвался сопровождать князя, а по прибытии двинулся в Рим, чтобы рассказать о своих горестях папе. Поначалу Пасхалий вел себя крайне предусмотрительно, но затем (возможно, под влиянием Боэмунда, ставшим, как потом выяснится, фатальным) решил поддержать Даимберта. Он велел Балдуину отправить в Рим своего посланника, способного ответить на предъявленные бывшим патриархом обвинения. Однако Балдуин, вероятно понимавший, что папа находится под влиянием Боэмунда, не принял этот приказ во внимание. Из-за этого Пасхалий отменил низложение Даимберта, причина которого, по его словам, крылась во вмешательстве светских властей. К счастью, совершенную папой глупость исправило божественное вмешательство. Даимберт, уже собиравшийся триумфально вернуться в Палестину и снова занять патриарший престол, серьезно заболел и умер в Мессине 15 июня 1107 г.

Однако проблемы, связанные с патриаршим престолом, на этом не закончились. В какой-то момент Эвремар перестал устраивать Балдуина. Возможно, он понял, что церковь – слишком важная организация для того, чтобы находиться в руках ничтожества. Ему было необходимо, чтобы во главе ее оказался человек, способный стать для него надежным союзником. Услышав о возвращении сана Даимберту, Эвремар также отправился в Рим. По прибытии туда патриарх узнал о смерти своего соперника и сам стал жаловаться папе на светских правителей. Однако когда о смерти Даимберта стало известно в Палестине, Арнульф поспешил в Рим, чтобы замолвить там словечко за короля. Теперь Пасхалий стал поддерживать Эвремара, но в то же время он понял, что сложившаяся на Востоке ситуация оказалась гораздо более сложной, чем он полагал прежде. Разобраться в ней он поручил Гибелину де Сабрану, архиепископу Арля, престарелому священнослужителю, обладавшему огромным опытом.

Весной 1108 г. Гибелин прибыл в Палестину, куда к тому времени уже успели вернуться Арнульф и Эвремар. Папский посланник быстро понял: Эвремар совершенно не подходит на место патриарха и никто не хочет его возвращения. Поэтому Гибелин объявил, что патриарший престол свободен, и провел собор, на котором должны были избрать нового патриарха.

Балдуин предложил возвести в сан патриарха самого Гибелина, заставив того испытать при этом одновременно смущение и восторг. Архиепископ Арля согласился, а Эвремару в качестве утешения досталось внезапно освободившееся место архиепископа Кесарии.

Поговаривали, что Арнульф убедил Балдуина предложить кандидатуру Гибелина из-за того, что тот уже был стар. Ведь благодаря этому патриарший престол вскоре опять должен был освободиться. Гибелин и правда прожил еще всего четыре года, а после его смерти патриархом был избран Арнульф, и на этот раз никто не возражал против того, что престол займет именно он.

По мнению Балдуина, Арнульф стал идеальным патриархом. Несмотря на проблемы, связанные с прошедшим впоследствии повторным бракосочетанием короля, и неприязнь множества людей, находившихся у него в подчинении, он сохранил свое положение. Арнульф, несомненно, был нечист на руку. Когда его племянница Эмма очень удачно вышла замуж за Евстахия де Гранье, он подарил ей поместье в Иерихоне, принадлежавшее храму Гроба Господня. Но патриарх был человеком активным, действовал эффективно и был искренне предан королю.

Благодаря ему совершенно оторванный от реальности план, согласно которому в Иерусалиме должна установиться теократия, а монарх должен был всего лишь выполнять обязанности главнокомандующего и который поддерживало большинство участников Первого крестового похода, наконец был полностью предан забвению. Он следил за тем, чтобы его взгляды разделяли все священнослужители в Палестине, даже несмотря на устав ордена Святого Гроба Господня, созданного Готфридом Лотарингским, так как патриарх не верил в преданность его членов. Когда благодаря завоеваниям территория королевства расширялась, он делал все возможное, чтобы на новых землях сферы полномочий светских и церковных властей совпадали, несмотря на противодействие со стороны папы Пасхалия, который в своем злополучном пристрастии к правившим в Антиохии норманнам защищал права антиохийского престола, вполне законные с исторической точки зрения, но совершенно не соответствовавшие задачам, существовавшим в ту эпоху. Арнульфа сложно назвать человеком, заслуживающим уважения, но он был достойным слугой Иерусалимского королевства. Выдающийся историк крестовых походов Гильом Тирский всячески порочил имя этого патриарха, заставляя своих читателей возненавидеть саму память о нем, что было весьма несправедливо, ибо Арнульф сделал очень многое для того, чтобы закрепить результаты Первого крестового похода.

Именно благодаря Арнульфу, а также его господину королю Балдуину между католическим священноначалием и местными христианами установились хорошие отношения. Когда в 1099 г. он пребывал в сане патриарха впервые, Арнульф изгнал представителей восточных сект из храма Гроба Господня и отобрал все их имущество. Однако Даимберт оказался для них еще более страшным врагом. Он стремился изгнать всех коренных христиан не только из самого храма, но и из их монастырей и высших слоев иерусалимского общества. При этом не важно, кем они были – православными, как греки или армяне, или еретиками, как яковиты и несторианцы. Он также нарушил принятые в Палестине рамки приличия, разрешив женщинам прислуживать в главных христианских святынях. Из-за этих ужасных преступлений в храме Гроба Господня накануне Пасхи 1101 г. угасли все лампы, и благодатный огонь не сходил с неба, чтобы зажечь их, до тех пор, пока представители пяти обездоленных христианских сообществ не вымолили прощение для франков.

Балдуин учел этот урок. Он приказал, чтобы зло, причиненное коренным христианам, было исправлено. Ключи от самого храма Гроба Господня вернули грекам. С тех пор король, очевидно, пользовался поддержкой всех живших в Палестине христиан. Среди представителей высшего духовенства были только франки, хотя в храме Гроба Господня богослужения велись по православному канону. Местные православные христиане приняли это, ибо их собственное высшее духовенство покинуло Иерусалим в тяжелые годы, предшествовавшие кре-

стовым походам. Латинских иерархов не любили, но функционированию православных монастырей теперь ничего не мешало, а у православных паломников, посетивших Палестину в период существования франкского государства, не было причин для жалоб на светские власти, вызванных обращением как с ними самими, так и с их собратьями из числа коренных жителей. Прихожане еретических церквей, очевидно, также были довольны. В итоге ситуация, сложившаяся в Иерусалиме, кардинально отличалась от характерной для франкских государств Северной Сирии, где как православные христиане, так и еретики относились к франкам как к угнетателям.

Поражение египтян в битве при Яффе в 1102 г. и неудачный поход, состоявшийся весной 1103 г., не заставили аль-Афдаля отказаться от попыток вернуть Палестину. Однако для того чтобы собрать новую армию, ему потребовалось больше времени. Балдуин использовал эту отсрочку, чтобы укрепить свои позиции на палестинском побережье. Несмотря на то что под его властью находились все прибрежные города от Яффы до Хайфы, на соединявших их дорогах часто встречались разбойники-мусульмане, особенно многочисленные у склонов горы Кармель. Небезопасно было, как отметил паломник Зевульф, даже на дороге, соединявшей Яффу и Иерусалим. Пираты базировались в египетских портах Тире и Акре, откуда выходили в море, чтобы помешать христианам вести торговлю. Поздней осенью 1102 г. корабли, на которых возвращались домой паломники, чье появление в мае спасло находившегося в Яффе Балдуина, из-за шторма были выброшены на берег в различных местах побережья. Часть из них оказалась неподалеку от Аскалона, другие – между Тиром и Сидоном. Все пассажиры были или убиты, или проданы на рабских рынках Египта.

Весной 1103 г. Балдуин, в распоряжении которого еще оставалось несколько английских кораблей, осадил Акру. Гарнизон крепости уже собирался сдаться, но в порт вошли двенадцать фатимидских галер и большое транспортное судно из Тира и Сидона, которые везли солдат и приспособления для метания греческого огня. В итоге Балдуину пришлось снять с города осаду. Тем же летом, но чуть позже Балдуин попытался очистить гору Кармель от грабителей. Удалось ему это лишь частично, так как в одной из стычек он получил тяжелое ранение – пострадали почки, и на протяжении какого-то времени его жизнь висела на волоске. Пока он лечился от ран в Иерусалиме, в Палестине узнали, что египтяне двинулись в новый поход, на этот раз под предводительством Таджа аль-Аджама и Ибн Кадуса. Однако из-за отказа первого двигаться дальше Аскалона второй был вынужден предпринять самостоятельную попытку осады Яффы. Правда, делал это он довольно вяло. Как только Балдуин окреп настолько, что смог повести свое войско вдоль побережья на юг, египетские корабли уплыли прочь.

В мае следующего года в порт Хайфы вошла армада генуэзских кораблей, которые помогли Раймунду Тулузскому захватить Джебейль. Там их встретил Балдуин, обещавший им за помощь в захвате Акры ставшее уже привычным вознаграждение, состоявшее из одной трети добычи, торговых привилегий и четверти городского базара. В итоге 6 мая союзники приступили к осаде города. Фатимидский военачальник мамлюк Бена Захр ад-Даула аль-Джююши оказал им упорное сопротивление. Но помощь из Египта к нему так и не прибыла, и после двадцати дней осады он согласился сдать город на условиях, похожих на те, на которых крестоносцы получили Арсуф. Горожане, желавшие уйти, могли беспрепятственно покинуть Акру, прихватив с собой свое движимое имущество, а оставшиеся должны были стать подданными франкского короля. Балдуин принял эти условия и выполнил их. Он даже оставил для своих новых подданных мечеть. Однако итальянские моряки не могли спокойно смотреть на то, как из-под их носа увозят такое богатство. Они напали на переселенцев и ограбили их, а многих из них убили. Балдуин пришел в ярость. Он уже готов был приказать своим воинам атаковать генуэзцев, чтобы наказать их за непослушание, но в этом ему помешало появление патриарха Эвремара, сумевшего разрешить конфликт.

Овладев Акрой, Балдуин получил то, что ему было так необходимо, – бухту, в которой можно было чувствовать себя в безопасности в любую погоду. Хотя Акра располагалась более чем в сотне миль от столицы, она сразу же стала главным портом королевства вместо Яффы с ее открытым рейдом. Кроме того, именно через Акру на Запад поставлялись товары из Дамаска. Захват города франками не привел к прекращению существования этого пути. Наоборот, он получил еще большее развитие благодаря оставшимся в Акре мусульманам.

Летом 1105 г. визирь аль-Афдаль в последний раз попытался вернуть Палестину под власть Египта. В Аскалоне в начале августа появилась хорошо вооруженная армия, состоявшая из 5000 арабских всадников и суданских пехотинцев, которой командовал сын визиря Сена аль-Мульк Хусейн. Наученные горьким опытом предыдущих поражений египтяне решили обратиться за помощью к турецким владетелям Дамаска. Однако после смерти в июне 1104 г. правителя Дамаска Дукака его родственники вступили в спор о его наследстве с атабеком Тугтегином, а правитель Алеппо Ридван, также желавший получить часть владений покойного, выдвинулся на юг. Сначала Тугтегин посадил на трон сына Дукака Тутуша, которому на тот момент исполнился всего год, а затем заменил его двенадцатилетним братом покойного владетеля Дамаска Ирташем. Последний вскоре понял, на что рассчитывает его опекун, и бежал в Авран, где ему предоставил убежище эмир Босры Айтекин, пользовавшийся в том регионе наибольшим влиянием. Находясь в Босре, он написал письмо Балдуину, который пригласил его в Иерусалим. Все эти обстоятельства заставили Тугтегина согласиться помочь египтянам. Однако он не осмелился направить к ним многочисленное войско. На юг отправился полководец Сабава в сопровождении тринадцати сотен конных лучников. В августе египетская армия вошла в Палестину, где к ней присоединилось войско из Дамаска, успевшее до этого пройти через Трансиорданию и Негев.

Балдуин ждал своих противников в Яффе. Как только на горизонте появились египетские корабли, он за неимением других вариантов вывел свое войско на все то же поле боя, расположенное у Рамлы. Яффу оставили под властью Литара де Камбре, в распоряжении которого имелось 300 человек. Балдуина сопровождали юный претендент на дамаский престол Ирташ, все палестинское войско франков – гарнизоны Галилеи, Хайфы и Хеврона, а также основная армия, состоявшая из 500 всадников и 2000 пехотинцев. По просьбе Балдуина из Иерусалима в сопровождении 150 человек, набранных им в священном городе, прибыл патриарх Эвремар, привезший с собой истинный крест.

Битва состоялась в воскресенье, 27 августа. На рассвете патриарх в полном облачении проехал перед рядами франкских воинов, держа в руках истинный крест, благословляя солдат и рыцарей на бой и отпуская им грехи. Затем франки перешли в наступление. Контратака, предпринятая турками из Дамаска, едва не заставила их нарушить строй, но Балдуин, взяв в руки свой личный штандарт, возглавил стремительную атаку, позволившую отбросить противника. На этот раз египтяне сражались более храбро, чем обычно, но их левое крыло, тщетно пытавшееся застать солдат из Хайфы врасплох, оказалось отрезано от остальной армии и слишком поздно вернулось назад.

К вечеру мусульмане потерпели поражение. Сабава и его турки бежали в родные края, а египтяне отступили к Аскалону. Оказавшись там, их командир Сена аль-Мульк спешно отправился в Каир. Они понесли серьезные потери. Наместник Аскалона погиб, а бывшие начальники гарнизонов Акры и Арсуфа попали в плен и позже были возвращены сородичам в обмен на крупный выкуп. Фульхерий Шартрский в своем труде неоднократно сожалел, что Сене аль-Мульку удалось бежать и франки не получили за него огромный выкуп. Однако потери крестоносцев также были весьма велики. Разграбив лагерь египтян, они, следуя приказу Балдуина, не стали преследовать противника. Король также отказался поддерживать юного Ирташа, который, охваченный унынием, был вынужден уйти в Ар-Рахбу, расположенную на берегу Евфрата.

Египетские корабли вернулись в Египет. Их экипажи так ничего и не сумели добиться, а из-за шторма флотилия лишилась нескольких судов.

Третья битва при Рамле подвела черту под последней широкомасштабной попыткой Фатимидов вернуть Палестину. Однако они все еще представляли угрозу для франков, и участникам менее масштабного похода, проведенного осенью 1106 г., почти удалось сделать то, чего не сумели добиться более многочисленные армии. В октябре того года, когда Балдуин отбыл к границе Галилеи, несколько сотен египетских всадников внезапно атаковали лагерь паломников, располагавшийся между Яффой и Арсуфом, и перебили его обитателей. Затем они направились в Рамлу, которую защищали всего лишь восемь рыцарей. Конечно же, египтянам с легкостью удалось победить их. Против них выступил наместник Яффы Роже де Розуа, но он попал в засаду и спасся лишь благодаря тому, что сломя голову бежал в сторону Яффы. Его преследовали с таким ожесточением, что сорок из его пехотинцев были пойманы и убиты уже у городских ворот.

Затем египтяне направились в сторону Иерусалима и напали на небольшой замок Шастель-Арнуль, строительство которого Балдуин, планировавший, что он позволит франкам контролировать дорогу, еще не успел завершить. Рабочие сдались на волю победителей, но были убиты. В живых остался только руководивший ими Готфрид, кастелян башни Давида, которого угнали в плен, чтобы затем потребовать за него выкуп. К тому времени Балдуин уже успел узнать о нападении египтян и отправился во главе своего войска на юг. Это заставило египтян отойти к Аскалону.

В следующем году египтяне едва не захватили Хеврон, но Балдуин сумел оттеснить их, а в 1110 г. они сумели дойти до стен Иерусалима, но сразу же были вынуждены отступить. Время от времени на протяжении последующих десяти лет они устраивали аналогичные походы, делая жизнь христианских поселенцев и паломников в районе прибрежной равнины и в Негеве небезопасной. Однако все эти атаки представляли собой не что иное, как ответные меры на организованные Балдуином набеги на мусульманские территории.

Таким образом, у Балдуина снова появилась возможность заняться расширением территории своего государства. Его главными целями стали прибрежные города – Аскалон на юге, а также Тир, Сидон и Бейрут на севере. И Аскалон, и Тир были прекрасно укреплены, и в них постоянно находились многочисленные гарнизоны, поэтому к их захвату следовало тщательно подготовиться. Весной 1106 г. на Святую землю прибыло множество английских, фламандских и датских паломников, что позволило Балдуину начать подготовку к походу на Сидон. Узнав об этом, наместник города спешно отправил королю огромную денежную сумму. Балдуин, постоянно нуждавшийся в деньгах, принял подарок и оставил Сидон в покое на целых два года.

В августе 1108 г. Балдуин снова выступил в поход против Сидона. Помощь в этом ему оказала эскадра кораблей, принадлежавших морякам – искателям приключений из различных городов Италии. Наместник тотчас же обратился за поддержкой к дамасским туркам, заплатив им за помощь 30 000 безантов. В то же время египетские порты покинула многочисленная эскадра, разбившая итальянцев в морском сражении, разгоревшемся за пределами бухты. В итоге Балдуину пришлось снять осаду. После этого жители Сидона отказались впускать в город турок, небеспочвенно опасаясь, что Тугтегин строит планы по захвату власти. Наместник даже отказался выплачивать им обещанные безанты. В итоге турки пригрозили призвать Балдуина обратно. Однако когда король появился на горизонте, они согласились отступить, если им выплатят в качестве компенсации 9000 безантов.

Следующим летом Балдуин помогал Бертрону Тулузскому в захвате Триполи. В знак благодарности за это в 1110 г. последний отправил своих солдат на помощь Балдуину, готовившему атаку на Бейрут. Генуэзские и пизанские корабли, для которых Триполи стал прекрасной базой, блокировали город с моря. Суда Фатимидов, вышедшие из Тира и Сидона, тщетно пытались прорвать блокаду. Осада длилась с февраля до середины мая, когда наместник, отча-

явшись получить от кого-либо еще помощь, бежал, миновав ночью корабли итальянцев, на Кипр, где сдался византийскому наместнику. В итоге покинутый им город 13 мая был взят приступом. Прежде чем Балдуин восстановил порядок, итальянцы успели устроить в Бейруте кровавую бойню.

На протяжении того лета с Запада на помощь Балдуину прибыли новые корабли. Когда Балдуин возвращался после захвата Бейрута, в Акру пришла флотилия кораблей, отплывшая в 1107 г. из расположенного в Норвегии Бергена. Командовал ею Сигурд, занимавший норвежский престол вместе с двумя братьями. Проплыв через Северное море и Гибралтар, путешествовавшие на этих судах люди призывали жителей Англии, Кастилии, Португалии, Балеарских островов и Сицилии присоединиться к ним. Сигурд стал первой венценосной особой, посетившей королевство, и Балдуин принял его с большими почестями, лично сопроводив в Иерусалим. Сигурд согласился помочь франкам с осадой Сидона, которая началась в октябре.

Гарнизон и жители Сидона оборонялись яростно. Мощному флоту Фатимидов, приплывшему из Тира, едва не удалось рассеять корабли норвежцев, но они сумели спастись благодаря прибытию эскадры венецианских судов, которой командовал сам дож Орделафо Фальер. Тем временем наместник Сидона разработал план убийства Балдуина. Исполнителем за крупную денежную сумму согласился стать бывший мусульманин, сумевший сделаться личным слугой короля. Но местные христиане, жившие в Сидоне, узнали о заговоре и пустили в лагерь франков стрелу с запиской, чтобы предупредить Балдуина.

В конце концов 4 декабря Сидон сдался на тех же условиях, на которых происходила капитуляция Акры. Представители городской знати, забрав с собой все свое имущество, уехали в Дамаск, а менее состоятельные горожане остались в Сидоне, превратившись в подданных короля, тотчас же обложившего их податью в размере 20 000 золотых безантов. Венецианцы в качестве вознаграждения получили церковь и кое-какое имущество в Акре. Сидону был присвоен статус баронства, которое передали во владение Евстахию де Гранье, уже являвшемуся наместником Кесарии. Вскоре он еще больше упрочил свое положение, женившись на племяннице патриарха Арнульфа Эмме.

Теперь франки контролировали все побережье Сирии, за исключением двух крепостей в Аскалоне на юге и Тире в центре. Наместник Тира занервничал. Осенью 1111 г. он отправил к правителю Дамаска Тугтегину посланника, чтобы попросить его в обмен на 20 000 безантов предоставить 500 лучников, а также разрешение отправить в Дамаск наиболее ценное имущество, принадлежавшее как ему самому, так и тирской знати. Тугтегин согласился, и со стороны побережья в путь двинулся большой караван с деньгами и ценностями. Так как ему предстояло пройти через территорию, контролируемую франками, наместник Тира Изз аль-Мульк заплатил рыцарю по имени Райнфред, чтобы тот провел караван и обеспечил его безопасность. Рыцарь согласился на эти условия, но сразу же поставил в известность Балдуина, напавшего на ничего не подозревающих жителей Тира и забравшего у них все богатства. Воодушевленный этой неожиданной удачей король в конце ноября привел всю свою армию под стены Тира. При этом в его распоряжении находилось только двенадцать византийских судов под командованием посла Бутумита; других моряков, которые согласились бы ему помочь, Балдуин не нашел. Однако византийцы не хотели вступать в конфликт с Фатимидами, с которыми у них установились неплохие отношения, без достойной компенсации. В итоге они потребовали, чтобы Балдуин, в свою очередь, помог им вернуть под их власть города, захваченные князьями Антиохии. Король не спешил принимать на себя подобные обязательства, а византийцы в это время лишь снабжали войско франков продовольствием.

Осада Тира продлилась до апреля следующего года. Жители города сражались достойно. В частности, они сумели сжечь огромные осадные башни, построенные по приказу Балдуина. Однако в конце концов им пришлось снова просить помощи у Тугтегина. Прежде чем пойти на этот шаг, наместник Изз аль-Мульк отправил в Египет письмо, в котором просил поддер-

жать эту инициативу. Первая попытка Тугтегина установить контакт провалилась, так как почтового голубя перехватил араб, прислуживавший франкам. Его сослуживец-франк предлагал ему отпустить птицу, но он отнес ее Балдуину. Король приказал своим людям переодеться и отправиться навстречу дамасским послам. В итоге последние были перехвачены и преданы смерти. Тем не менее Тугтегин сумел подойти к Тиру, застав врасплох фуражирный отряд франков, окружив их лагерь и разграбив окрестности. Балдуин был вынужден снять осаду и с боем прорываться в Акру.

Столь же неудачно закончилась и его попытка захватить Аскалон. Он отправился к этой крепости сразу после захвата Сидона. Наместник Аскалона Шамс аль-Хияфа по складу ума был торговцем и не хотел оказаться в эпицентре военных действий. Он купил перемирие, а потраченные на эту сделку деньги попытался взыскать с жителей Тиры, находившегося в его юрисдикции. Кто-то послал в Египет сообщение о его поведении, и аль-Афдаль направил в Аскалон войско, приказав сместить Шамса аль-Хияфа с должности наместника. Тот, догадываясь о цели прибытия солдат, отказался впускать их в город и даже распустил те части своей армии, которые заподозрил в симпатиях к Фатимидам, заменив их армянскими наемниками. Затем он отправился в Иерусалим, чтобы попросить короля взять его самого и Аскалон под свою защиту. Домой наместник вернулся с тремя сотнями франкских солдат, которых он разместил в цитадели. Однако, узнав об этом предательстве, жители Аскалона пришли в ужас. В июле 1111 г. они с помощью египтян устроили переворот, в ходе которого и сам Шамс, и приведенные им франки были убиты. Балдуин поспешил на помощь своим людям, но опоздал. Аскалон оставался бельмом на глазу франков на протяжении последующих сорока лет.

Весной 1110 г. провалилась аналогичная попытка распространить влияние франков на Баальбек, в которой им также помогал наместник – евнух аль-Тадж Гюмюштекин. Об этом узнал Тугтегин, заменивший Гюмюшкетина на своего сына Таджа аль-Мулька Бури.

В первую очередь Балдуин стремился обеспечить для своего государства наличие протяженной береговой линии. Но ему также было необходимо укрепить границу, проходившую по суше, и в то же время извлечь как можно большую выгоду из ее близости к основным торговым путям, шедшим из Ирака и Аравии к Средиземному морю и Египту. Когда Танкред перестал претендовать на Палестину и сконцентрировался на управлении Антиохией, Балдуин доверил княжество Галилея, сохранившее высокопарное название, полученное от Танкреда, Гуго де Сен-Омеру, во Франции бывшему его соседом и являвшемуся сторонником весьма агрессивной политики против мусульман.

Первым делом тот построил в горах, на дороге между Тиром, Баниясом и Дамаском, замок, получивший название Торон (современный Тибнин). Затем для того, чтобы ему было легче организовывать набеги на богатые земли, находившиеся к востоку от Галилейского моря, Гуго де Сен-Омер приказал возвести на холмах, располагавшихся к юго-западу от озера, еще один замок, названный арабами Аль-Аль. Строительство двух этих крепостей было завершено к осени 1105 г. Однако христиане недолго владели вторым из них. Правитель Дамаска Тугтегин не мог допустить существование такой серьезной угрозы, и в конце года, когда Гуго после успешного похода возвращался в Аль-Аль с богатой добычей, его отряд атаковала армия Дамаска. В последовавшем за этим бою сам он был смертельно ранен, а его люди разбежались, и Тугтегин без особых осложнений сумел занять замок. В тот момент Жерар де Сен-Омер, брат Гуго, был серьезно болен и ненадолго пережил своего родственника. Это заставило Балдуина передать Галилею в качестве феода франкскому рыцарю Жерве де Базошу.

Партизанская война продолжалась. В 1106 г. жители Тиры напали на Торон одновременно с дамасскими солдатами, атаковавшими Тверию. Правда, ни один из этих походов не увенчался успехом. Как только стало известно о приближении Балдуина, воины из Дамаска отправили в его лагерь посланников, которые должны были передать просьбу о непродолжительном перемирии. Принял их король весьма любезно и был крайне великодушен, что не могло не

заставить мусульман еще больше уважать его. Однако перемирие оказалось весьма непродолжительным.

Уже весной 1108 г. Тугтегин снова предпринял поход в Галилею и во время произошедшего у Тверии сражения сумел захватить в плен Жерве де Базоша вместе с большинством его приближенных. Затем он отправил к Балдуину гонца с сообщением о том, что в качестве платы за их освобождение тот должен отдать три города – Тверию, Акру и Хайфу. Когда Балдуин отказался, Жерве был казнен, а его скальп с волнистыми светлыми волосами несли на шесте перед победоносной армией мусульман. Тогда Балдуин передал титул князя Галилеи Танкреду, но, очевидно, занимался управлением княжеством самостоятельно, находясь при этом в Иерусалиме. В 1113 г. после смерти Танкреда, когда граф Эдессы Балдуин изгнал Жослена де Куртене из его владений, в качестве компенсации за ссылку король отдал Галилею Жослену.

В конце 1108 г. Балдуин и Тугтегин, заинтересованные в решении других проблем, заключили перемирие на десять лет, разделив между собой доходы от областей Савад и Аджлун (то есть, по сути, от Северной Трансиордании). Треть от них должна была поступать Балдуину, треть – Тугтегину, а еще треть – оставаться в распоряжении местных властей. Заключить перемирие правителей, очевидно, заставили интересы, связанные с торговлей. Набеги негативно сказывались на торговле, а оба правителя получали от нее неплохой доход. Перемирие имело сугубо локальный характер. В частности, оно не помешало Тугтегину прийти на помощь мусульманским прибрежным городам, а Балдуину – попытаться подчинить Баальбек. Однако арабские историки с признательностью отмечали, что благодаря этой договоренности Балдуин не стал вторгаться во владения Дамаска, когда Тугтегин потерпел поражение от Гильома Иордана в битве при Арке, хотя для короля этот момент был более чем удачным.

Сам Балдуин мог задуматься о перемирии и из-за поражения Жерве и связанной с ним угрозы набегов на территорию Галилеи из Трансиордании, а мусульмане – из-за двух очередных походов крестоносцев, одним из которых руководил недавно прибывший в Палестину паломник сын Роберта Нормандского Вильгельм Клитон, напавший на богатую арабскую царевну, ехавшую вместе со всем своим имуществом из Аравии в Дамаск; второй атаке подвергся египетский караван, шедший из Дамаска в Египет. Во время первого набега франки получили 4000 верблюдов, а в результате второго – все товары, которые вез караван, причем те из сопровождавших его мусульман, кто выжил после нападения, впоследствии были убиты бедуинами. Перемирие было нарушено в 1113 г., когда Балдуин вторгся на территорию, принадлежавшую Дамаску.

Начиная с 1111 г., после неудачной попытки захватить Тир, Балдуин на протяжении некоторого времени занимался делами в Северной Сирии. Еще в 1109 г. в Триполи он дал понять, что хочет стать властелином всех занятых франками территорий на Востоке, а события в Антиохии и Эдессе позволили ему еще раз подтвердить серьезность своих намерений. Кроме того, он также мог снова вернуться к расширению своих владений. Балдуин всегда знал, что Палестина не защищена от вторжений и переселения с юго-востока – для этого было достаточно перейти Негев – и что для того, чтобы отрезать Египет от ближневосточного мусульманского мира, необходимо получить контроль над местностью, расположенной между Мертвым морем и Акабским заливом.

В 1107 г. Тугтегин по приглашению местных бедуинов отправил дамасское войско в Эдом, стремясь создать там плацдарм для набегов на Иудею. В пустынной Идумее находилось несколько монастырей, и один из монахов, некий Теодор, обратился к Балдуину с просьбой помешать мусульманам. Король вместе со своей армией подошел к турецкому лагерю, находившемуся в Вади-Муса, неподалеку от Петры, но не желал вступать в конфликт. Поэтому Теодор предложил план, согласно которому он должен был притвориться беглецом и встретиться с военачальником Тугтегина, чтобы предупредить о приближении огромного войска франков. Узнав об этом, турки спешно отступили к Дамаску. Затем Балдуин наказал бедуинов, изгнав

их из пещер, где они жили, и угнав их скот. На обратном пути на север к нему присоединилось множество местных христиан, опасавшихся, что бедуины станут им мстить.

В Идумею Балдуин вернулся в 1115 г., когда решил, что эта область окончательно должна перейти под контроль франков. Пройдя из Хеврона через оконечность Мертвого моря и Вадия-Араба, бесплодной долины, простиравшейся от Мертвого моря до Акабского залива, он вышел к Шобак, одной из немногочисленных плодородных местностей в этом пустынном регионе, расположенной на заросшем лесами горном хребте между низменностью и Аравской пустыней. Там, почти в сотне миль от ближайшего поселения франков, он приказал построить огромный замок, названный им Королевской горой, Ле-Крак-де-Монреаль, в котором, по его велению, остался хорошо вооруженный гарнизон. В следующем году король повел свое войско, а также сопровождавшую его длинную вереницу мулов, нагруженных продовольствием, дальше вглубь Аравии. Балдуин посетил Монреаль и направился на юг, двигаясь до тех пор, пока его изнуренные дорогой люди не вышли к Красному морю в районе Акабы.

Оказавшись там, франки вымыли коней в море и наловили рыбы, которой славятся эти воды. Испуганные местные жители сели в лодки и обратились в бегство. Балдуин велел занять город, названный франками Айла, или Элин, и построить в нем цитадель. Затем король подплыл к небольшому острову, Джезира-Фараун, получившему от франков название Грайе, где велел возвести второй замок. В обеих крепостях были оставлены гарнизоны, благодаря которым франки получили возможность контролировать дороги, соединявшие Дамаск, Аравию и Египет. Теперь они с легкостью могли нападать на караваны и перекрыли мусульманским армиям путь в Египет.

Вернувшись с побережья Красного моря, Балдуин снова выступил против Тира, но ограничился тем, что блокировал город с суши. Для этого он построил в Искандеруне, там, где идущая вдоль побережья дорога начинает подниматься на склон холма к перевалу, известному как Лестница Тира, замок. Сидон уже контролировал подходы к Тиру с севера, а замок Торон — с востока. Благодаря строительству крепости в Искандеруне теперь город был полностью окружен.

Воодушевленный этими достижениями, Балдуин предпринял в 1118 г. более масштабный поход. Армиям Фатимидов уже дважды до этого удавалось совершать набеги на территорию королевства из Аскалона. В 1113 г., когда король воевал с турками на севере, они сумели дойти до стен Иерусалима, разграбив все встреченные ими по пути поселения, а в 1115 г. египтянам почти удалось застать Яффу врасплох. В итоге Балдуин решил, что следует проникнуть на территорию самого Египта. В начале марта, проведя переговоры с шейхами живших в пустыне племен, он выступил из Хеврона во главе небольшого хорошо обеспеченного продовольствием войска, состоявшего из 216 всадников и 400 пехотинцев, и, перейдя Синайский полуостров, вышел к побережью Средиземного моря в Фараме, находившейся уже на египетской территории, неподалеку от Пелусийского рукава Нила. Король готовился брать город приступом, но охваченный паникой гарнизон бежал, оставив Фараму франкам. Выйдя к Нилу, они с восхищением взирали на эту знаменитую реку. Но затем выяснилось, что Балдуин смертельно болен, и он вынужден был двинуться в обратный путь в Палестину.

Благодаря постоянным военным походам и способности использовать любую подвернувшуюся возможность Балдуин оставил после своей смерти единое государство, занимавшее всю территорию римской провинции Палестина. Не сумев захватить только Тир и Аскалон, он контролировал земли от Бейрута на севере до Беэр-Шевы на юге. Восточная граница его государства проходила по реке Иордан, а далеко на юго-востоке он сумел создать аванпосты, контролировавшие путь из Аравии. Его собратья-христиане, жившие во франкских государствах Востока, признавали его превосходство. Более того, Балдуин сумел завоевать уважение своих соседей-мусульман. Он сделал все возможное для того, чтобы уничтожить Иерусалимское королевство было не так-то просто.

Мы очень мало знаем о том, как была организована система управления Иерусалимским королевством. По сути, оно являлось феодальным государством. Но Балдуин руководил большей частью его территории самостоятельно, назначая в качестве своих представителей виконтов. Даже княжество Галилея, являвшееся крупнейшим феодалом, на протяжении нескольких лет не управлялось феодалом. Феодалы еще не передавались по наследству. Когда Гуго де Сен-Омер был убит, все думали, что княжество могло бы перейти его брату Жерару, если бы тот был не столь слаб здоровьем, но его право не было неоспоримым. Балдуин сам составил для королевства довольно жесткие законы и самостоятельно управлял им с помощью придворных, численность которых со временем все более увеличивалась, а у его вассалов были собственные вассалы. Балдуин сумел договориться с итальянцами, которые не были обязаны помогать ему во время военных походов, но были вынуждены принимать участие в защите портов, где они останавливались, от нападений с моря.

Балдуин дал понять, что собирается контролировать церковь. Когда король был уверен в поддержке церковников, он щедро одарял их земельными владениями, захваченными у безбожников. В каком-то смысле такая щедрость была ошибкой, ибо церковь была освобождена от обязанности поставлять в армию солдат. С другой стороны, Балдуин надеялся, что священнослужители поделятся с ним деньгами.

Балдуин пользовался популярностью среди местных христиан. После происшествия, случившегося на Пасху 1101 г., он делал все возможное для того, чтобы не задеть их чувства. В государстве, которым он правил, им было разрешено разговаривать на своих языках и придерживаться собственных традиций, а церкви было запрещено мешать им отправлять религиозные обряды. В последние годы правления Балдуин всячески способствовал переселению христиан, как считавшихся еретиками, так и православных, из соседних государств, находившихся под властью мусульман. Ему очень нужны были трудолюбивые крестьяне, которых можно поселить на землях Иудеи, опустевших после бегства местных мусульман. Король приветствовал заключение браков между франками и представителями коренного населения, показав своим подданным пример, женившись на армянской княжне. Местных девушек в жены брали совсем немногие бароны, но подобная практика получила намного более широкое распространение среди небогатых франкских солдат и поселенцев. Дети, рожденные в таких смешанных браках, повзрослев, составили значительную часть войска королевства.

Не меньший такт Балдуин проявлял и в отношениях с мусульманами и евреями, согласившимися стать его подданными. Он разрешил им пользоваться несколькими мечетями и синагогами. В судах мусульмане могли клясться на Коране, а евреи – на Торе. Стороны, считавшиеся безбожниками, вполне могли надеяться на справедливый суд. Было разрешено заключать браки с мусульманами. В 1114 г. папа Пасхалий страшно ругал патриарха Арнульфа за то, что тот поженил христианина и девушку-мусульманку.

Таким образом папа Пасхалий в очередной раз продемонстрировал, что совершенно не понимает ситуации, сложившейся на Востоке. Ведь если франки хотели там задержаться, им следовало не оставаться чужеродным меньшинством, а сделать все возможное для того, чтобы стать частью этого мира. Капеллан Балдуина Фульхерий Шартрский в одной из глав своей «Истории...», получившейся весьма лиричной, рассуждает о том, насколько чудны дела Господа, превратившего западных людей в восточных. Он, очевидно, был рад перспективе смешения народов Запада и Востока, которую считал одним из шагов к их единству. На протяжении всего периода существования государств крестоносцев ситуация не менялась. Мудрые франкские государственные деятели, управлявшие расположенными на Востоке государствами, следуя примеру Балдуина, усваивали местные обычаи, заключали союзы с соседями, в то время как новички, только прибывшие с Запада, придерживались шовинистических взглядов, которые влекли за собой весьма негативные последствия.

Когда король завоевал расположенные на побережье Сирии города, в частности Сидон и Бейрут, церкви которых по сложившейся традиции принадлежали к Антиохийскому патриархату, он уже находился в весьма натянутых отношениях с папой. Для того чтобы при управлении государством не возникало каких-либо проблем, эти города следовало отдать Иерусалимскому патриархату, что Балдуин и сделал. Антиохийский патриарх Бернар пожаловался на этот поступок короля папе. Если в 1110 г. Пасхалий написал в Иерусалим, что в свете изменившихся обстоятельств можно не придерживаться сложившихся традиций, то в 1112 г. он, как обычно, проявил слабость и, наоборот, поддержал Антиохию. Балдуин просто проигнорировал новое решение папы, а затем не обратил внимания на упрек Пасхалия, который тот изложил в весьма грубой форме, и оставил епископства под контролем Иерусалимского патриархата.

Сам Балдуин допустил весьма серьезную ошибку. Он совершенно не заботился о своей армянской невесте с того дня, когда ее отец, пришедший в ужас от грубости зятя, скрылся вместе с ее приданым. Балдуин любил заводить различного рода интрижки, но был человеком благоразумным, и присутствие при дворе королевы не позволяло ему пуститься во все тяжкие. Королева также пользовалась репутацией любительницы веселья. Поговаривали даже, что во время путешествия из Антиохии в Иерусалим, чтобы занять трон, она даровала свою благосклонность мусульманским пиратам. В этом браке не родились дети, которые могли бы объединить супругов. В итоге через несколько лет, когда стало понятно, что брак перестал быть выгоден ему с политической точки зрения, король отлучил супругу от двора под предлогом измены и сослал ее в монастырь Святой Анны в Иерусалиме, в который для облегчения своей совести сделал богатое пожертвование. Но королеве не нравилась жизнь в монастыре, и вскоре она попросила и получила разрешение уехать в Константинополь, где с тех пор, как франки изгнали их из Мараша, жили ее родители. Там она избавилась от монашеского облачения и стала предаваться всем удовольствиям, которые можно было найти в большом городе.

В свою очередь, Балдуин осознал, что вновь может испытать все прелести холостяцкой жизни. Однако ему все еще были нужны деньги. Зимой 1112 г. он услышал, что самая завидная вдова Европы ищет себе нового мужа. Тогда как раз закончился период регентства Аделаиды Савонской, вдовствующей графини Сицилии, ибо ее сын Рожер II достиг совершеннолетия. Эта женщина была сказочно богата, но ее подкупила возможность примерить королевскую корону. Балдуина же интересовало не только ее приданое, но и влияние, которым она пользовалась среди норманнов Сицилии, так как союз с ними позволил бы ему получить поддержку с моря, с одной стороны, и дал бы возможность противостоять норманнам, жившим в Антиохии. В итоге он отправил к Аделаиде гонца, чтобы попросить ее руки. Графиня согласилась, поставив ряд условий. У Балдуина не было потомков. Дети, рожденные его первой женой, погибли в Анатолии во время Первого крестового похода, а армянская княжна не сумела родить от него. Аделаида настояла, что если от их брака не появятся дети (а в связи с возрастом жениха и невесты такой вариант был более чем возможен), то иерусалимская корона должна будет перейти ее сыну графу Рожеру.

Стороны заключили контракт, и летом 1113 г. графиня покинула Сицилию, обставив отъезд с такой помпой, которой обитатели бассейна Средиземного моря не видели с тех пор, как Клеопатра плыла по реке Кидн на встречу с Марком Антонием. Аделаида возлежала на ковре из золотых нитей, устилавшем пол ее личной галеры, нос которой был покрыт серебром и золотом. Ее сопровождали еще две триремы со столь же изысканно украшенными носами. На них плыли охранники, причем наиболее яркое впечатление из всех них производили арабские солдаты – телохранители сына графини, темные лица которых контрастировали с незапятнанной белизной их одеяний. Вслед за ними двигались еще семь кораблей, груженных ценностями и имуществом Аделаиды.

Невеста высадилась на сушу в Акре в августе, где ее ждал Балдуин, старавшийся также обставить встречу супруги со всей возможной торжественностью. И король, и его придворные

нарядились в драгоценные шелковые одежды, а их лошади и мулы были покрыты пурпуром и золотом. На улицах расстелили дорогие ковры, а из окон и с балконов свисали пурпурные знамена. Так же пышно были украшены города и деревни, встречавшиеся на пути в Иерусалим. Все жители королевства радовались, правда не столько прибытию своей новой госпожи, дамы весьма немолодой, сколько привезенному ею с собой богатству³.

Несмотря на такое пышное начало совместной жизни, новый брак короля оказался неудачным. Балдуин тотчас же забрал приданое королевы, с помощью которого погасил долги перед солдатами и продолжил работы по созданию оборонительных сооружений. Благодаря поступлению этих денег в оборот экономика Иерусалимского королевства получила новый толчок к развитию. Но вскоре средства закончились, и стали очевидны все недостатки этого брака. Богобоязненные жители государства вспомнили, что Балдуин так и не развелся со своей первой женой, и пришли в ужас, увидев, насколько охотно патриарх Арнульф провел венчание, в результате которого король, по сути, стал двоежизнем, чем не преминули воспользоваться многочисленные враги Арнульфа. Возможно, им не удалось бы добиться такого результата, если бы подданные Балдуина не разъярились, выяснив, что он решил назначить наследника своего престола, предварительно не поговорив об этом с членами совета.

В Рим стали поступать многочисленные жалобы на Арнульфа. Через год после заключения брака в Иерусалим прибыл папский легат епископ Оранжа Беренгарий. Узнав, что Арнульф, которого обвиняли в симонии, смирился с заведомо прелюбодейским браком и благословил его, легат призвал епископов и аббатов патриарха на собор и объявил о низложении Арнульфа. Однако лишить сана патриарха оказалось не так-то просто. Позаботившись о том, чтобы не был назначен новый патриарх, Арнульф сам отправился зимой 1115 г. в Рим. Там он сделал все возможное для того, чтобы обаять папу и кардиналов и привлечь их на свою сторону, в том числе преподнес им тщательно подобранные подарки, что не могло не заставить их испытывать к нему еще большую симпатию. Пасхалий поддался силе обаяния и подарков Арнульфа и отменил решение своего легата. Патриарх пошел лишь на одну уступку – пообещал заставить короля отказаться от сицилийской королевы. В итоге папа не только заявил, что низложение Арнульфа недействительно, но и подарил ему паллий, вследствие чего теперь никто не мог усомниться в наличии у него права занимать патриарший престол. Летом 1116 г. Арнульф торжественно вернулся в Иерусалим.

Арнульф охотно согласился с этим условием, ибо знал, что Балдуин, потративший приданое Аделаиды, вот-вот пожалеет о женитьбе. Да и сама королева, привыкшая к роскошной жизни во дворце в Палермо, не была готова мириться с недостатками храма Соломона в Иерусалиме. Однако Балдуин, не желавший лишиться такого выгодного союзника, как сицилийцы, медлил. Он пропускал все требования патриарха мимо ушей до тех пор, пока в мае 1117 г. не заболел. Оказавшийся перед лицом смерти король прислушался к своим духовникам, утверждавшим, что он умирает во грехе. Они убеждали Балдуина: ему следует отослать Аделаиду и призвать к себе первую жену. Однако он не мог исполнить все их пожелания, ибо бывшая королева не хотела покидать Константинополь, где ей были доступны самые изысканные удовольствия. Тем не менее, выздоровев, Балдуин заявил об аннулировании своего брака с Аделаидой. В итоге разъяренная женщина, лишившаяся своего богатства, почти в полном одиночестве отправилась обратно на Сицилию. Сицилийский двор так и не простил правителя Иерусалимского королевства за это оскорбление. Пройдет очень много времени, прежде чем сицилийцы согласятся оказать помощь и поддержку Иерусалиму.

16 июня 1117 г. произошло лунное затмение, 11 декабря оно повторилось, а через пять ночей в небе над Палестиной имело место такое крайне редкое явление, как северное сия-

³ Аделаида была дочерью маркграфа Манфредо и племянницей Бонифация Савонского и стала третьей женой Рожера I Сицилийского в 1089 г.

ние. Все это считалось очень плохим предзнаменованием, свидетельствующим о скорой смерти венценосных особ. И оно оказалось правдивым. Сначала 21 января 1118 г. в Риме скончался папа Пасхалий, а затем, 16 апреля, на Сицилии умерла бывшая королева Аделаида. Патриарх Арнульф, которого она считала своим другом и который предал ее, пережил эту женщину всего на 12 дней. В Иране 5 апреля скончался султан Мухаммед, а 6 августа в Багдаде не стало халифа Мустазхира. Затем 15 августа в Константинополе после продолжительной и тяжелой болезни ушел из жизни величайший из монархов Востока – император Алексей. В начале весны страдавший от лихорадки король Балдуин вернулся из Египта. Его изнуренное тело уже не могло сопротивляться болезни. Солдаты принесли своего умирающего правителя в небольшую приграничную крепость Эль-Ариш. Здесь, за пределами королевства, обязанного ему своим существованием, 2 апреля Балдуин скончался в присутствии епископа Рамлы. Его тело привезли в Иерусалим и 7 апреля, в Пальмовое воскресенье, похоронили в храме Гроба Господня, рядом с его братом Готфридом.

Когда похоронная процессия двигалась по улицам города, смерть короля оплакивали как франки, так и местные христиане, и даже гостившие в Иерусалиме сарацины были тронуты увиденным. Балдуин был великим королем, жестким и беспринципным. Он не пользовался большой любовью, но его уважали за энергичность, прозорливость и то, что в его правление в королевстве воцарились порядок и справедливость. Он унаследовал небольшое и нестабильное государство, но благодаря своей воинской доблести, таланту дипломата и мудрости, заставившей его с терпимостью относиться ко всем своим подданным, Балдуин сумел сделать так, чтобы Иерусалимское королевство стало одним из наиболее влиятельных государств на Востоке.

Глава 6. Равновесие на севере

*И будут сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом, царство с царством.
Книга пророка Исаии, 19: 2*

За несколько лет до своей смерти король Балдуин I сумел обрести статус главного предводителя франков, живших на Востоке, и это его положение никто не в силах был оспорить. Достигнуть этого было не так-то просто, Балдуин смог обрести подобный статус благодаря умению обращать сложившиеся обстоятельства в свою пользу.

Благодаря захвату в плен Балдуина де Бура и Жослена де Куртене во время битвы при Харране и отъезду Боэмунда на Запад Танкред избавился от всех соперников-франков на севере Сирии, а разногласия среди мусульман позволили ему в полной мере воспользоваться удобным моментом. Держава Сельджукидов разваливалась на части, причем не столько из-за воздействия извне, сколько по вине постоянно конфликтовавших друг с другом членов правящей династии. Победа в сражении при Харране позволила атабеку Мосула Джекермишу стать первым среди турецких правителей в Северной Сирии и Джебеле. Катастрофический крах его попытки продолжить наступление на франков не ослабил его положение в мусульманском мире.

Бывший союзник и соперник Джекермиша представитель династии Артукидов Сокман, правитель Мардина, умер в начале 1105 г., когда отправился на помощь осажденному Триполи, а его брат Ильгази и сын Ибрагим никак не могли поделить наследство. Правитель Алеппо Ридван надеялся, что благодаря победе некогда служившего ему Ильгази он сможет обрести влияние в Джебеле. Однако Ильгази забыл о когда-то данной им клятве верности, а сам Ридван был слишком занят борьбой с антиохийскими франками для того, чтобы заявлять о своих давних правах. Великий эмир из династии Данишмендидов Малик Гази Гюмюштекин умер в 1106 г., после чего его владения оказались раздроблены. Сивас и территории в Анатолии отошли к его старшему сыну Гази, а Мелитена и владения в Сирии – к младшему, Сангуру. Молодость и неопытность последнего заставили Кылыч-Арслана, незадолго до этого заключившего мир с Византией, обратить свой взгляд на восток и напасть на Мелитену, захваченную им осенью 1106 г. Затем он попытался заставить турок признать за ним титул султана, которым он себя провозгласил. Кылыч-Арслан готов был подружиться с любым, кто согласится в этом ему потакать.

Джекермиш недолго наслаждался своим превосходством. Ему пришлось вмешаться в конфликт между представителями династии Сельджукидов. В 1104 г. султан Баркиярук был вынужден править своими владениями совместно с братом Мухаммедом, и Мосул относился к числу территорий, подвластных последнему. Джекермиш попытался обрести независимость, заявив, будто он приносил клятву верности только Баркияруку и выступив против войска Мухаммеда. Однако в январе 1105 г. Баркиярук умер, и Мухаммед стал полноправным хозяином всех владений Сельджукидов. Джекермиш тотчас же отрекся от своих слов и поспешил покориться Мухаммеду. Последний тогда предпочел не ссориться с Джекермишем и отошел на восток, даже не попытавшись торжественно войти в Мосул.

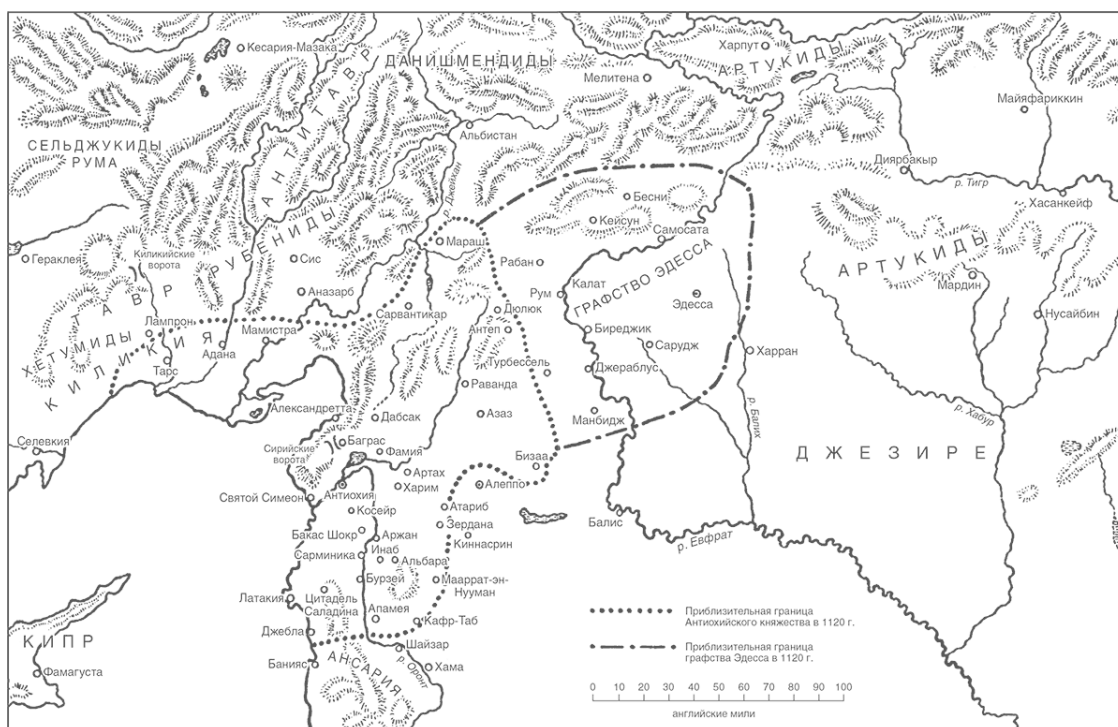
Возможно, по просьбе Мухаммеда Джекермиш стал готовиться к новому нападению на франков. Для этого он заключил союз с правителем Алеппо Ридваном, полководцем Ридвана Сабавой, представителем династии Артукидов Ильгази и собственным зятем правителем Синджара Альбу ибн Арсланташем. Союзники стали убеждать Ридвана и Альбу в том, что и с политической, и с экономической точек зрения им гораздо выгоднее напасть на Джекермиша. В итоге все они вместе выступили против Нусайбина, второго из находившихся под его вла-

стью городов, но его люди сумели посорить Ридвана и Ильгази, которого правитель Алеппо похитил во время пиршества, проходившего у стен Нусайбина, и заковал в цепи. Затем войско Артукидов атаковало армию Ридвана и заставило ее отойти к Алеппо. Благодаря этому Джекермишу удалось спастись и самостоятельно напасть на Эдессу. Однако, победив в стычке с солдатами Ричарда де Принчипато, он вернулся домой, где его ждали новые проблемы.

Кылыч-Арслан, только что захвативший Мелитену, сам попытался напасть на Эдессу. Однако, увидев, что город слишком хорошо укреплен, он отошел к Харрану, который ему сдал оставленный там Джекермишем гарнизон. Стало очевидно, что Сельджукиды из Рума собираются расширить свое влияние в мусульманском мире за счет персидских родственников.

Султан Мухаммед так и не простил Джекермиша за вольнодумство. К тому же он подозревал, что Джекермиш может заключить тайное соглашение с Кылыч-Арсланом. Зимой 1106 г. султан лишил его власти над Мосулом, который отдал вместе с Джебелем и Диарбакиром турецкому искателю приключений по имени Джавали Сакава. Тот во главе армии выступил против Джекермиша, направившегося ему навстречу. Однако последний потерпел поражение у самых стен города и попал в плен. Жители Мосула, с большим уважением относившиеся к Джекермишу, тотчас же провозгласили своим атабеком его сына Зенки, а его друзья, находившиеся за пределами города, обратились за помощью к Кылыч-Арслану. Джавали решил, что в такой ситуации лучше всего будет отступить, особенно при условии, что Джекермиш, которого он собирался использовать как козырь в ходе переговоров, внезапно умер в плену. Жители Мосула открыли городские ворота перед Кылыч-Арсланом, обещавшим сохранить городу его привилегии.

Джавали поселился в долине Евфрата и вступил в переговоры с правителем Алеппо Ридваном. Они решили, что должны сначала потеснить Кылыч-Арслана, а затем выступить против Антиохии. В июне 1107 г. союзники во главе армии из 4000 человек подошли к Мосулу. В распоряжении Кылыч-Арслана, находившегося вдалеке от дома, было гораздо менее многочисленное войско, но он вышел навстречу противникам. Несмотря на проявленную им храбрость, в битве, состоявшейся на берегу реки Хабур, он потерпел сокрушительное поражение и погиб, когда, спасаясь бегством, пытался переплыть реку.

Северная Сирия в XII в.

Гибель Кылыч-Арслана имела последствия для всего восточного мира. Благодаря ей Византия избавилась от потенциальной угрозы, что было весьма своевременно, так как именно тогда Боэмунд собирался выступить в поход на Балканы. Кроме того, она позволила просуществовать в Персии на протяжении почти столетия султанату Сельджукидов и стала отправной точкой для отделения анатолийских турок от их собратьев, живших восточнее. Что касается не столь далеко идущих последствий смерти Кылыч-Арслана, но из-за нее сирийские мусульмане лишились единственного человека, способного объединить их.

Теперь у Джавали появилась возможность войти в Мосул, жители которого вскоре возненавидели его за излишне жестокие методы управления. Да и по отношению к своему господину, султану Мухаммеду, он проявлял не больше почтения, чем его предшественник Джекермиш. Уже через год Мухаммед решил заменить Джавали и отправил в Мосул армию во главе с мамлюком Мавдудом, которому предстояло на протяжении нескольких последующих лет играть роль главного защитника ислама.

Тем временем Балдуин де Бур жил в Мосуле в качестве пленника, а его двоюродный брат Жослен де Куртене после смерти Сокмана «перешел по наследству» к Ильгази, планировавшему изгнать из Мардина своего племянника Ибрагима. Ильгази нуждался в деньгах и союзниках, вследствие чего согласился отпустить Жослена за выкуп в размере 20 000 динаров и обещание оказать военную помощь. Подданные Жослена, жившие в Турбесселе, с готовностью обещали заплатить деньги, и в 1107 г. их господин оказался на свободе. Благодаря достигнутой договоренности у Ильгази появилась возможность атаковать Мардин.

Жослен, в свою очередь, стал искать способы освобождения Балдуина де Бура, оказавшегося вместе со всем имуществом Джекермиша во власти Джавали. Момент для этого оказался более чем удачный, ибо Джавали нужна была помощь, благодаря которой он сумел бы противостоять Мавдуду и его армии. В итоге он потребовал заплатить ему в качестве выкупа 60 000 динаров, освободить мусульман, находившихся в плену в Эдессе, и оказать военную помощь. Не успели закончиться переговоры, как Джавали был изгнан из Мосула, жители которого не стали помогать ужаснувшему их своей жестокостью правителю и открыли городские ворота перед Мавдудом. Джавали перебрался в Джезире, уведя с собой Балдуина.

Жослен с легкостью сумел собрать 30 000 динаров, лично прибыл в замок Калат-Джабар, стоявший на берегу Евфрата и ставший пристанищем для Джавали, и предложил остаться в плену вместо Балдуина при условии, что того отпустят, чтобы он собрал недостающую денежную сумму. Джавали был тронут столь широким жестом, да и храбрость франкского князя произвела на него немалое впечатление. Он согласился сделать Жослена своим пленником вместо Балдуина, а затем, через несколько месяцев, отчасти из-за благородства, отчасти из корысти (в тот момент ему был крайне необходим союз с франками) Джавали отпустил Жослена, взяв с него слово, что ему заплатят остаток выкупа. И князь впоследствии оправдал его доверие.

Танкред уже на протяжении четырех лет был владыкой Эдессы, которой от его имени правил его двоюродный брат Ричард де Принчипато, и не испытывал ни малейшего желания отдавать графство Балдуину. Когда тот прибыл в Эдессу, Танкред согласился собрать оставшиеся 30 000 динаров, но заявил, что вернет город только в том случае, если Балдуин даст ему клятву верности. Последний, будучи вассалом короля Иерусалима, никак не мог согласиться на это требование, и, охваченный яростью, он отправился в Турбессель, где к нему присоединился Жослен. Вместе они обратились за помощью к Джавали. Танкред подошел к Турбесселю. Произошла небольшая стычка, после которой смущенные противники сели за пиршественный стол, чтобы еще раз попытаться решить проблему. Однако договориться им снова не удалось, и Балдуин, отправив к Джавали в качестве подарка 160 пленников-мусульман, получивших от него свободу и снаряжение, двинулся на север в поисках новых союзников.

Для управления Эдессой Ричард использовал чересчур грубые методы; он значительно увеличил налоги и вызывал особую неприязнь у живших в графстве армян. Поэтому Балдуин отправился к самому могущественному из соседних армянских государей – Васили Гоху, правившему в Кейсуне. Незадолго до этого князь Васил сумел еще больше повысить свой престиж, убедив католикоса армянской церкви перенести престол в его владения. Васил Гох принял Балдуина в Рабана и пообещал помочь. Кроме того, 300 печенежских наемников графу Эдессы прислал армянин Ошин, назначенный византийским императором наместником Киликии и готовый предпринять любые действия, направленные против Танкреда. Заручившись поддержкой этих союзников, Балдуин вернулся в Турбессель. Танкред не был готов к противостоянию со всем армянским миром, а антиохийский патриарх Бернард использовал все свое влияние, чтобы помочь Балдуину. В итоге Танкред весьма нелюбезно прогнал Ричарда де Принчипато из Эдессы, жители которой с радостью встретили вернувшегося Балдуина.

Однако это затишье было недолгим. Балдуин не хотел предавать дружбу с Джавали. Граф отправил к нему множество пленников-мусульман, разрешил восстановить в городе Сарудже, население которого в основном составляли мусульмане, мечеть, а также лишил своего расположения и приказал казнить градоправителя Саруджа, к которому горожане относились с большой неприязнью, ибо он отступил от ислама.

Союз между Балдуином и Джавали вызвал обеспокоенность у правителя Алеппо Ридвана, так как Джавали угрожал его владениям на берегах Евфрата. Он нанес встречный удар, организовав нападение на караван с товарами, в числе которых оказалась и часть выкупа за Балдуина, отправленного из Турбесселя ко двору Джавали. В сентябре 1108 г. последний напал на стоящий на берегу Евфрата город Балис, расположенный всего в 50 милях от Алеппо, и, захватив его, приказал распять тех из его жителей, кто особенно активно поддерживал Ридвана. Тот тотчас же обратился за помощью к Танкреду. В начале октября Балдуин и Жослен вместе с несколькими сотнями рыцарей подошли к Манбиджу, что между Алеппо и Евфратом, чтобы присоединиться к войску Джавали. Последний привел с собой около 500 турок и еще большее число бедуинов, которыми командовал сын эмира Садаки из племени Бану Мазьяд. Всего численность объединенной армии составляла примерно 2000 человек. Ридван мог выставить против них примерно 600 солдат, но Танкред привел с собой 15 сотен воинов.

Произошедшее затем сражение, во время которого христиане и мусульмане бились против христиан и мусульман, оказалось весьма ожесточенным. Войска Джавали уже стали постепенно оттеснять антиохийских франков, заставляя их нести серьезные потери, когда бедуины увидели лошадей, оставленных рыцарями Балдуина про запас, и не смогли перебороть соблазн – они покинули поле боя, уведя коней с собой. Увидев, что кочевники уходят, турки, сражавшиеся под началом Джавали, обратились в бегство, и Балдуин с Жосленом оказались почти в полном одиночестве. В итоге они также были вынуждены бежать с поля боя вместе с остатками своих армий, при этом чудом избежав плена. Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, христиане потеряли убитыми почти 2000 человек.

Жослен вернулся в Турбессель, а Балдуин прибыл в Дулак, расположенный к северу от Раванды. Танкред попытался организовать осаду этих городов, но без особого энтузиазма, а узнав, что люди поговаривают о приближении Джавали, он вообще предпочел уйти. В конце концов Балдуин и Жослен сумели вернуться в Эдессу. Горожане были в панике. Опасаясь смерти Балдуина и перспективы снова оказаться под властью Ричарда де Принчипато, которого они так сильно ненавидели, жители Эдессы собрались в церкви Святого Иоанна. Армяне пригласили католического епископа войти в состав временного правительства, которое должно было действовать до тех пор, пока ситуация не прояснится. Прибыв в город через два дня после этого, Балдуин заподозрил армян в измене, решив, будто они таким образом собираются обрести независимость. Отреагировал он быстро и весьма сурово. Многих армян арестовали, а некоторых ослепили. Армянский епископ спас свое зрение благодаря тому, что сумел запла-

тить огромный штраф, деньги на выплату которого собрали его дети. Армян насильно прогоняли из города. Мы не знаем, что произошло на самом деле, но вполне очевидно, что у Балдуина были веские причины для того, чтобы коренным образом изменить политику в отношении представителей этого народа.

Несмотря на одержанную им победу и принятое Джавали через несколько месяцев после описываемых событий решение помириться со своим господином – султаном, даровавшим ему владение в Персии, расположенное далеко от тех мест, где происходили все эти события, Танкред больше не пытался изгнать Балдуина из Эдессы. Вместо этого осенью 1108 г. он возглавил поход против Шайзара, где, перебив немногочисленного противника, заблокированного им в пещере, регент Антиохии позволил задобрить себя подарком – превосходным скакуном. Следующей весной он вмешался в конфликт между Гильомом Иорданом и Бертраном Тулузским, спорившими о том, кто должен стать владельцем принадлежавших франкам земель в Ливане. Он признал Гильома Иордана своим вассалом, но в спор тотчас же вмешался король Балдуин, заслуженно называвшийся владыкой всех франков, живших на Востоке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.